

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

АВТОРИТЕТ

ИЛИ **ЛАГЕРНЫЙ ПАХАН**

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Лагерный пахан

«ЭКСМО»

2007

Колычев В. Г.

Лагерный пахан / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2007 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Кому тюрьма – лихо, а кому – дом родной. Трофиму, видно, на роду было написано пройти тюремные университеты от звонка до звонка. Первая ходка случилась из-за безответной любви к соседской девушке Кристине. Вторая по той же причине: Трофима, вора в авторитете, сдал ментам ее ревнивый муж. Что ж, и в тюрьме люди живут. Правда, по своим законам. Пришлось Трофиму отправить на тот свет одного отморозка. Зато вышел он на волю вором в законе. А любовь к Кристине так и не проходит...

© Колычев В. Г., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Колычев

Лагерный пахан

Часть первая

1982 год

Глава 1

Кто служил, тот поймет, а кто пороху не нюхал, тому – рыдать от страха и зависти. Дембель идет! Аля-улю! Посторонись!..

Жизнь, она такая штука – жениться и разводиться можно много раз, а дембель в жизни бывает лишь однажды. И кто не знает, что это такое, тот не жил... Два года Трофим шел к этому важнейшему в своей жизни событию, и потому сейчас ему ничуть не стыдно за себя.

Он дома, во всей своей ратной красе. Только что электричка вынесла его из водоворота шальных армейских страстей в тихую заводь родного города. Людей на платформе немного, но все смотрят на него с завистью. Еще бы! Фуражка солдатская, но с офицерской кокардой и генеральским козырьком; парадная форма подбита изнутри бордовым бархатом; клапаны карманов, лацкана, нижние срезы рукавов оторочены золотой каймой; негнущиеся погоны, аксельбанты, белый ремень, ушито-обточенные сапоги. Но все это комариная плешь по сравнению с «орденами»: «Гвардия», «Отличник СА», «Отличник ВВС», «Отличник ВМФ», «Отличник ПВ» всех степеней, ну а сверху над всем этим самая что ни на есть крутизна – «Отличник военного строительства». «Медали» тоже имелись – парашютный значок с подвеской на сто прыжков, ГТО всех степеней, спортивная разрядность вплоть до мастера спорта... Только Трофим один и знал, сколько трудов стоило ему раздобыть эти регальные ценности. Но ведь он смог сделать это. Значит, он крутой воин. А был бы чамором, ушел бы на дембель в уставном прикиде. И тогда бы знающие люди тыкали в него пальцем: «Гля, чудь уставная домой ползет!..» А не знающие – просто бы посмеялись над ним. Как тогда людям в глаза смотреть?.. Но нет, с рядовым Трофимовым все в полном порядке. Если где-то и есть чуханы, то это не он...

Трофим вышел на середину платформы. Родная станция, родные пейзажи, родные физиономии вокруг... даже если не знакомые, все равно родные. Даже если тошнит от них, все равно по кайфу...

Весна, май месяц – время, когда заканчиваются войны. Трофим возвращался домой, с победой... «А эт чо такое?..» По платформе в сторону автобусной остановки шел военный – солдат в ничем не выдающейся парадной форме. Фуражка с черным околышем, коротко стриженные виски, уверенный подбородок, развернутые плечи, прямая спина – ни дать ни взять, бумажный молодец с плаката на строевом плацу... К Трофиму он был обращен левым боком – анфас на него не глянешь, но и в профиль угадывались знакомые черты. Яшка Попков. Имя еще ничего, а фамилия... Трофим бы повесился, будь у него паспорт с таким ярлыком. И вообще, лучше застрелиться, чем жить, как Яшка.

Не жаловали пацаны этого чувака – ни во дворе, ни в школе. Пинки, плевки, насмешки – это как с добрым утром. Маменькин сынок, мямля и трус... Трофиму не повезло: два года назад на сборный пункт он ехал в одном автобусе с Яшкой. Честное слово, смотреть на него противно было. Все пацаны как пацаны – в дрова нажратые, сначала песни вразнобой, затем храпак в общем хоре. А Яшка типа интеллигент, тверезый как стеклышко, голубенькая рубашечка с чистым воротником. Тьфу!.. Да он и сейчас не лучше. Вахлак уставной, смотреть на него

тошно. На дембель идет, а выглядит как «дух» салажный, хоть бы значок какой для приличия на грудь нацепил – так нет, только один комсомольский флажок на груди... Что ни говори, а чухан – это на всю жизнь...

Трофим остановился. С презрительной ухмылкой небрежно бросил:

– Попок!

Он хотел от него только одного – пусть побудет немного здесь, на станции: а то вдруг сядет с ним в один автобус, стыда потом не оберешься. Пацаны затюкают – с чумой вместе ехал, значит, сам такой...

Попков остановился резко – как танк перед минным полем. Выждал пару мгновений и повернулся к Трофиму лицом...

Внешне он не изменился. Такая же простодушная физиономия, такой же глуповато-наивный взгляд. Но не было уже той привычной заискивающей улыбки, с какой он обычно обращался ко всем, кто мог навешать ему люлей – не важно, за дело или чтобы грусть кулаками разогнать... И правая сторона кителя у него не пустовала. Ни «Гвардии», ни «Отличника», ни классности. Одна только пятиконечная звезда, покрытая рубиново-красной эмалью... Орден Красной Звезды... И две матерчатые нашивки желтого цвета. Это два ранения, пусть и не тяжелых, но боевых...

Трофим впал в протрацию, жевательные мышцы вдруг отказались держать нижнюю челюсть...

– Здорово, Трофим!

Было видно, что Яшка старается держать марку, но все же улыбка вышла неловкой.

Он подал руку, но Трофим едва коснулся ее:

– Ну, привет...

Трофим чувствовал себя клоуном на арене пустующего шапито. Вся его крутизна оказалась мыльным пузырем, который вдруг лопнул, забрызгав глаза едкой слезоточивой пеной... Бархатная подбивка, аксельбанты, гора значков – все это ерунда, ересь по сравнению с той громадой, что красовалась на груди у Попкова. Орден, нашивки... Обладай Трофим таким сокровищем, он бы не стал городить огород из дешевых понтов...

– А ты тоже на дембель? – спросил Яшка.

– Ну а чо, не видно? – свирепо нахмурился Трофим.

– Видно. Даже очень... – с улыбкой в усах кивнул Попков.

– А ты чо, прикалываешься?

Трофима распирало от желания всей своей мощью наехать на Яшку, смешать его с грязью под ногами. Но тогда он точно будет выглядеть клоуном – к тому ж еще злобным и завистливым.

– Да нет.

Попков обескураженно мотнул головой. Понимает, что Трофим и в глаз может заехать. Понимает и боится... Не такой уж он и крутой, каким делает его «Красная Звезда»... А может, и нет у Попкова никакого ордена, может, он пыль в глаза пускает... Трофим напыжился, свирепо сверкнул взглядом. Карачун Попкову, если он арапа заправляет...

– А документ у тебя есть? – грозно спросил он и многозначительно глянул на орден.

– Ну а как же!

Яшка бережно вытащил из кармана наградное удостоверение и с опаской протянул его Трофиму – как будто боялся, что чужие руки изорвут драгоценную книжицу. Но тот ее даже в руки не взял. И так ясно, что с документами порядок.

– Это мне за Афган... – пояснил Попков. – Нашу колонну обстреляли, а я...

– Головка ты! – оборвал его Трофим.

Он понимал, что ведет себя как полный идиот, но ничего не смог с собой поделать. Зависть заела...

К автобусной остановке он подходил в расстроенных чувствах. А там настроение и вовсе медным тазом накрылось. Толстая рыхлоносовая тетка тоску навела – ехидно усмехнулась, глянув на него. Как будто попугая какого-то увидела. Зато на Яшку посмотрела почтительно, умильно улыбнулась. Героя, блин, приветила... Да и не только она, все смотрели на Попкова уважительно. А на Трофима, в лучшем случае, не обращали внимания...

Но все же Трофим умыл всех, в том числе и Яшку. Лихо поймал подъехавший к остановке таксомотор, с шиком героической личности запрыгнул наперед поближе к водителю. А Попков так и остался ждать автобуса... Но все равно планка настроения осталась на прежнем, плитусном уровне. Ведь Яшка оставался на остановке с орденом, а Трофим уезжал как тот клоун, торопившийся догнать уехавший цирк. Обидно...

Настроение приподнял водитель, разбитной мужик с кучерявым чубчиком под клетчатой кепкой. Он посматривал на Трофима без восторга, но и насмешки в его глазах тоже не было.

– В каких войсках служил, паря? – бесшабашно спросил он.

– Стройбат!

– Мастево!.. Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, да?

– Да не вопрос, – гоношисто усмехнулся Трофим.

– Я тоже в стройбате службу тащил. Спецвойска, в натуре, нам даже оружия не выдавали.

– Нам тоже... Голыми руками – и НАТО, и Нату...

– У нас по женской части все на мази было. Я в Краснодаре служил, там та-акие казачки, если оседлают – держись.

– У нас тоже не хило было.

– И с баблом всегда без проблем. Цемент, песок, рубероид – все налево шло...

– Та же песня, – кивнул Трофим.

– А влетел за что?

– В каком смысле – влетел?

– Ну, стройбат заслужить надо, – каверзно усмехнулся таксист.

– А-а, была заслуга. По двести шестой статье. Козлу одному вывеску начистил...

– Условный дали, да?

– Зачем условный? – кичливо расправил плечи Трофим. – Полгода на «крытом», полтора – на малолетке...

Что верно, то верно, стройбат надо было «заслужить». Туда самый «цвет» молодежи брали – тугодумы из вечных второгодников, рахиты-очкарики, алкаши-наркоши, уголовники дешевой масти. Ну и, конечно же, правильные пацаны – из тех, кто реально мотал срок или достойно вел себя на «крытке» под следствием...

Трофим хорошо помнил свой первый день в сапогах. Два дебила из стариков на него надели, на тряпку посадить пытались, так он такой пропистон вставил, что добавки им не захотелось. Часть нормальная попалась, там все чисто по понятиям. Если пацан правильный, то по барабану, сколько ты отслужил. Сумел поставить себя реально, значит, быть тебе человеком. Нет – все два года дерьмо лаптем хлебать будешь...

– А я тоже по хулиганке, но условкой отделался... Да, кстати, Микита меня зовут!

Водитель подал Трофиму руку, тот крепко ее пожал. Видно же, что свой человек... Это там, на остановке, чужие люди остались. Заумные все, не с того боку правильные. Фурманы дешевые. Для них реальные люди – фуфло, а такие чмыри, как Яшка – шик-блеск в почете... Краешком человеческого сознания Трофим понимал, что не совсем прав в своих суждениях. Но не мог думать иначе: все еще клокотала в душе обида.

Чернопольск – небольшой город в сотне километров от Москвы. По сути, это была черта, за которой начинался пресловутый сто первый километр. Оттого здесь и в прежние, и в настоящие времена селились отбывшие свой срок заключенные и политически несознательные граждане. Но этот неблагонадежный контингент селился в основном в Вороньей Слободке, так

назывался район – отдаленный и отделенный от города высокой стеной длинного, как кишка, завода цветных металлов. Завода, на котором, по логике государственных мужей, должны были работать бывшие уголовники. Но далеко не все из них хотели становиться бывшими и продолжали вести прежний образ жизни, далекий от идеалов общества строителей коммунизма. Дети уголовников сами со временем попадали за решетку, их внуки зачастую шли по той же стезе. И так по замкнутому кругу. Блатная романтика здесь была так же естественна, как ядовитый дым из труб металлургического завода...

Машина остановилась возле старого трехэтажного здания. Полусгнившая крыша, потемневшая, местами обвалившаяся штукатурка, потрескавшийся фундамент, кривая, уходящая вниз к оврагу улочка, безжалостно испоганенная помоями – их здесь, не церемонясь, выливали прямо из окон. Запах нечистот и безнадёги. Но Трофим привык чувствовать себя здесь как черт в тихом грязном омуте. Хотя этот омут сложно было назвать тихим. То драки с поножовщиной, то пьянки с матерными песнями, то нечеловеческие вопли избиваемых жен и сожительниц... Одним словом, родная стихия.

Трофим торопливо сунул Миките мятую трешку, но тот заупрямился.

– Обижаешь, братан! – строптиво мотнул он головой. – Со своих денег не берем.

– А ты все равно возьми!

Деньги лишними не бывают, но Трофим все же расплатился за проезд. «Спасибо» в блатной среде не канает, здесь долг платежом красен. За добро ты человеку должен отплатить таким же добром – возможно, еще большим. Кто знает, может, Микита затребует такой благодарности, которая встанет в сотню, а то и в тысячу таких трешек... Нет, уж если есть возможность оплатить счет, то лучше сделать это, чтобы не было долгов...

Трофим вышел из машины – еще раз осмотрелся, принялся. Пусть и мрачные, но родные пейзажи, пусть и муторные, но привычные с детства запахи... А в хищном сумраке подворотни родного дома шпана – три паренка на корточках сидят. Совсем еще молодняк, урла. Курят, под себя сплевывают, о чем-то шепчутся меж собой. Увидели Трофима, притихли, зенки свои разули. Не узнают...

– Об чем скучаете, пацанва?

– А-а, Трофим!..

Первым с корточек поднялся приземистый, основательный для своих лет паренек. Трофим также признал его. Лешка, младший брат Петрухи Мигунка. Годков пятнадцать ему, но для своих лет смотрится тузово. И остальные ребятки привстали.

– Ты прямо как с картинки! – хвалебно заметил Лешка.

– Нормально все, пацан, – небрежно усмехнулся Трофим.

– Отслужил как надо, да?

– Ага, как надо... Как мне надо было, так и отслужил.

– Петруха тоже отслужил... В смысле, откинулся.

– Погоди, он же на пятилетку загремел.

– Так это, амнистия была...

– И где он сейчас?

– Где, где, чучу себе нашел, у нее сейчас висит... Это в Тесном переулке, третий дом справа. Там у них малина... Ты бы заглянул. Петруха говорил, что ты скоро дембельнуться должен...

– Значит, помнит, если говорит, – польщенно хмыкнул Трофим.

– Оп-ля! Краснучка рисует! – встрепенулся стоявший позади Лешки паренек.

Тот мгновенно отреагировал на этот сигнал – присел на корточки. Его дружки поступили так же. Один Трофим остался стоять на ногах. О чем бы мог и пожалеть, будь у него мозгов поменьше... В подворотню входила, нет, врывалась расфуфыренная дева лет двадцати. Роскошные волосы яркого песочного цвета, красивые шальные глаза, развязная полуулыбка на

пухлых удлинённых губках... Пуговички на её тесной кофточке вот-вот, казалось, выскочат из петель под натиском крупных наливных яблок соблазнительного бюста, короткая джинсовая юбочка так туго облегла крепкие бедра, что трещала по швам. В туфлях на высоких каблуках она шла так легко и непринужденно, как будто под ногами не испещрённый выбоинами асфальт, а гладкий паркет подиума...

Диво дивное, чудо чудное. Трофим смотрел на неё широко раскрытыми глазами, но так как будто и не замечала его. Зато молодняк не обошла вниманием – язвительно глянула на паренков, колко усмехнулась. Не останавливаясь, бросила через плечо:

– Жорики-мажорики! Штаники сменить не забудьте!

Нетрудно было понять, зачем пацаны присели на корточки. С такой юбочкой, как у неё, снизу открывались захватывающие виды...

Ничуть и никого не смущаясь, она пересекла двор и скрылась в дверях дальнего подъезда. И только тогда Трофим смог взять себя в руки.

– Кто такая? Почему не знаю?

– Не знаешь, – завистливо, как показалось ему, ухмыльнулся Лешка. – Узнаешь... Соседка твоя... Гаврилыч помер, так они в его комнату въехали...

– Гаврилыч?! – наморщился Трофим. – Что с ним?

Он и не знал, что случилось с соседом по квартире. Мать писала редко, дружбаны все по тюрьмам – да и какое им дело до алкаша Гаврилыча, чтобы им интересоваться?.. Ему и самому, если честно, до фонаря. Особенно сейчас, когда шок на всю голову...

– Так это, мути какой-то нализался, печень, говорят, развалилась... А она его родственница, что ли... Короче, с мужем к вам на хату подселилась...

– С мужем?

– А ты думал, холостая?

– Ну, мужа и подвинуть можно, – усмехнулся Трофим.

Что-то, а с женщинами у него все в ажуре. И до армии было, и на стройках с потаскухами забавлялись... Короче, не какой-то он там мальчик, чтобы в штанишки от вида женских прелестей напускать...

– Подвинь, если сможешь, – пожал плечами Лешка.

– А что, не смогу?

– Я откуда знаю? Я ж не пробовал... Это, ты когда к Петрухе пойдешь?

– К Петрухе?.. А, ну да... Пойду... Но сначала домой...

Трофим и думать забыл о своем дружке. Зароились было в голове мысли – загулять на малине, но глянул на краю, и вылетело все из памяти.

– Ну, так я ему скажу, что ты придешь... – Лешка усмехнулся с таким видом, словно понимал, что Трофиму не до пьянок-гулянок.

– Скажи... И как эту... ну, соседку мою, как зовут?

– Кристина её зовут... А мужа... Мужа её можешь хмырем болотным звать... Он у неё чума ходячая, увидишь, сам поймешь... Ну все, я пошел, надолго не прощаюсь...

Лешка повел свою компанию в сторону Тесного переулочка. Трофим отправился домой, к отпадной красоте...

Трехэтажка древняя, со времен сотворения мира, квартиры большие, но коммунальные – с грязными вонючими коридорами, шумными кухнями и тесными комнатами. Вода в колонке во дворе, сортир там же... Словом, красиво жить не запретишь.

Старая трухлявая дверь в паутине трещин, кнопка звонка с целым рядом затертых надписей под ним с указанием, кому и сколько раз звонить: «Бунякин А.В.» – один раз, «Дергаило П. Ю.» – два, «Трофимова Т.Н.» – три... И совсем новая табличка: «Шмаков В.В.». Этот должен отзываться на четвертом звонке – все в точности, как с Гаврилычем в прежние времена.

Но нет больше старого алкаша, зато есть Шмаков В.В. Хотелось бы Трофиму глянуть на этого счастливого. Неплохо было бы занять его место в постели... Ничего, все у него еще впереди.

Комната была оформлена на мать. Отсюда и табличка – «Трофимова Т.Н.». Татьяна Николаевна то есть. Когда-то, давным-давно, она была замужем за Трофимовым Трофимом Даниловичем. Лет пятнадцать назад. От него Трофим унаследовал фамилию, имя и отчество. И еще воспоминания о нем – такие же смутные и плохо различимые, как туман в предрассветной мгле.

Мать он застал на кухне. Облако табачного дыма, запах подгорелого масла, вокруг застланного рваной пленкой стола – пьяные синюшные рожи. И мать его среди этих забулдыг, также под градусом... Картина, в общем-то, привычная. Трофим давно понял, что мать у него безнадежный хроник. Уж сколько в профилакториях лечилась, и все без толку. Но как ни пытался он к ее хахалям привыкнуть – не смог: не тот склад характера.

– А эт чо за клоун? – ворохнул непослушным языком рослый, но мягкотелый мужик с глупыми, как у бегемота, глазами.

С пьяными Трофим старался не связываться, но это животное наступило на его больную мозоль.

– Сам ты клоун... – беспомощно возмутилась мать.

Попыталась встать, чтобы приветить сына, но не смогла удержать равновесие и снова плюхнулась на табуретку.

– Это сын мой... Из армии вернулся...

– Ну, если сынок... – глумливо хмыкнул рыхлый. – Эй, сынок, выпить надо!..

Сжав зубы, Трофим отдернул липкую от напыленного жира занавеску, открыл окно. Молча подошел к своему обидчику, одной рукой схватил его за шиворот, другой за ремень на брюках и на пределе сил рванул его на себя. Надрывая жилы, вышвырнул его в оконный проем. Дикий ор – со второго этажа с трехэтажным матом – плотный шумный шлепок и скулеж подстреленного шакала.

Трофим обвел угрожающим взглядом притихшую компанию за столом:

– Кто следующий?

– Эй, служивый, ты охолонись...

Первым из кухни вытек очкарик с лицом спившегося интеллигента, за ним бочком-бочком вытолкался низкорослый толстяк с большими лысыми проталинами на голове, последним выплонулся горбоносый чурек чахоточного вида...

– Ну, здравствуй, Татьяна Николаевна, – ухмыльнулся Трофим.

– Сынок! – Мать воздела к нему руки, но не дотянулась, замерла, закрывая глаза.

Дернулась, как это случается с засыпающим человеком, уронила локоть на стол и спикировала на него головой...

– Дура, – раздраженно буркнул Трофим.

Нехорошо так о матери, но ведь это правда – и то мягко говоря.

Она что-то бессвязно бормотала, пока он вел ее в комнату, но мгновенно затихла, едва голова коснулась подушки. Трофим глянул на часы-ходики с кукушкой – идут, тикают. Одна беда, птичка сдохла, но это случилось давно – лет десять назад: самолично из гнезда вырвал, хотел глянуть, как оно там все устроено. Время – половина первого пополудни. Оказывается, дружки мамкины на обед к ней заглянули... Пусть теперь у других столуются, а здесь им в лучшем случае светит кукиш с маслом, а в худшем – крошка из собственных зубов...

Комната маленькая, квадратов двенадцать – доброму молодцу не развернуться, равно как и злему. Хаос полнейший, впечатление такое, будто цыганский табор здесь все два года хозяйничал. И где найти Геракла, чтобы расчистить эти авгиевы конюшни? На мать надежды мало, а самому запрягаться в лом...

Трофим снял китель – избавился от постыдной клоунской бутафории, взял сигареты и вышел на кухню. Там тоже бардак, но все же не так грязно, как в комнате. Дым уже выветривается, а остатки поганого пиршества не очень-то мозолят глаз. Он сел на табурет, оперся спиной о стену, закурил. Вот он и дома. Пусть мать и не очень-то ему рада, зато собственная душа ликует. Не так уж и плохо ему жилось в армии, но казенщина мутную плешь в мозгах выела. Лучше в грязи по самые уши жить, зато на свободе...

Он уже затушил сигарету, когда на кухне появилась Кристина. Волосы забраны в «конский хвост», вместо кофточки и юбки – плотно запахнутый шелковый халат средней длины, на ногах мягкие домашние тапочки, в руке чайник. Она мельком и безучастно глянула на Трофима, зажгла конфорку на плите.

– Какие люди и без охраны!

У него еще не было повода праздновать над ней победу, но голос уже звучал торжественно.

– Если бы только знал, сколько раз я это уже слышала, – устало, без тени наигрыша усмехнулась она. – Скажи еще, что где-то видел меня.

– Так видел же, – сконфуженно протянул Трофим. – Ты через подворотню шла... И зовут тебя Кристина.

– Ну и что?

– Да так... Давай знакомиться, соседка.

– Зачем? Ты и так знаешь, как меня зовут. А я знаю, как зовут тебя. Трофим ты, мамаша твоя все уши прожужжала – вот вернется сын... Кстати, спасибо тебе за то, что забулдыг отсюда прогнал.

– А ты откуда знаешь?

– Да слышала... И видела, как мужик из окна падал. Зачем ты с ним так?

– Так он говорил, что в десанте служил, – ухмыльнулся он.

– Ну, ну, – повеселела она.

– Вот тебе и ну... А ты, значит, чайком решила побаловаться?

– Побаловаться, – насмешливо хмыкнула она. – Чайком. А ты что, присоединиться хочешь?

– Да нет, – мотнул головой Трофим. – Я не хвостопад какой-то.

– Ну, хвостопад не хвостопад, а, наверное, голодный.

– Ага, со всех сторон.

– Я знаю, о каких сторонах ты говоришь, – нахмурилась Кристина.

Только что в ее глазах плясали блудные искорки, но уже перед ним стояла непогрешимая дева самых честных правил.

– Только давай не будем об этом, хорошо?

Трофиму бы согласиться с ней, но черт продолжал дергать за язык.

– О чем?

Кристина кольнула его ехидным взглядом – как будто разочаровалась в его умственных способностях.

– О палке чая! – выпалила она.

Сняла чайник с плиты и торопливо покинула кухню. Трофим обескураженно почесал затылок – он чувствовал себя тупым и грязным животным...

* * *

От жирной Юльки сильно воняло потом. И взрывного всплеска изнутри не было – так себе, легкий пшик. Да и комната, где происходило действие, убогая – обезображенные временем и сыростью стены, лопнувший и угрожающий обвалом потолок, раздавленный таракан на

загвазданном полу. Юлька в такой конуре – испытание не для робких душ. Потому после сеанса потянуло на водку – чтобы загнать внутрь ком тошноты.

Юлька осталась в боковушке, а Трофим вышел в светелку, к Петрухе. Здесь такой же бедлам, зато дышать легче и выпивка на столе.

– Ну, как тебе бабец? – пьяно осклабился дружок.

– Если на холодец, то ничего, – скривился Трофим.

– Зато безотказная... На зону бы такую, на руках бы носили...

– А ты зоной меня не грузи. Я тоже зону топтал, знаю почему там фунт изюму...

– Ты сам не грузись, да... Хлеб-соль, ханка, баба – чего тебе еще надо, а?

Трофим примирительно махнул рукой. Пацан действительно встретил его честь по чести. Накормил, напоил, девкой своей с дороги угостил.

– Да ты не парься, братан. Юлька мне твоя не понравилась, вот и все дела... А в долгу я не останусь...

– Да какой долг, Трофим? О чем ты? – ухмыльнулся Петруха.

Узкий выпирающий лоб, густые щетинистые брови, сросшиеся на шишковатой переносице, крупный приплюснутый нос, массивная, самой природой сдвинутая набок челюсть. Не красавец, мягко говоря. Сколько помнил его Трофим, только такие страшили, как Юлька, ему и давали... Но ведь и он сам в этом плане слаще репы ничего не едал. Ни одна из его баб с той же Кристиной и рядом не стояла...

Но тех баб он имел, а Кристина вильнула перед ним хвостом и так обломно махнула ему ручкой... Может, это у нее манера такая мужиков охмурять – сначала продинамить мэна, чтоб интерес подогреть, а затем раздвинуться под ним в ритме быстрого вальса. А может, она вовсе и не собирается мужу изменять... Ничего, все еще впереди. Завтра Трофим снова подкатится к ней – будет кружить яблочком по тарелочке, глядишь, и собьет ее с панталыку, опрокинет на спину... А пока пусть эта фифа думает, будто он исчез с ее горизонта навсегда, пусть кается в своих перед ним грехах.

– О чем задумался, корешок? – едва ворочая языком, спросил Петруха. – О том, как жить дальше будешь, да?

– А как я дальше жить буду?

– Ну, не на стройку же пойдешь...

– Почему на стройку? Потому что в стройбате служил?.. Заманался вкалывать, хватит с меня...

Для убедительности Трофим стукнул кулаком по столу. Но не очень сильно – как будто колебался во мнении, что сможет прожить без работы. Но и горбатиться неохота, это факт. Он же не ишак, чтобы ишачить...

– А кто тебя вкалывать заставляет? Делюгу замутим, капусты срубим, и все дела...

– Какую делюгу?

– Хату сделаем.

– Есть вариант?

– Не было б, не предлагал бы...

Трофим прежде не занимался воровством – не шарил по карманам, не взламывал двери домов и магазинов. Но предложение обокрасть чью-то квартиру совсем его не смутило. А что здесь такого? Ему нужны деньги, и если есть конкретная наводка на богатый дом, почему бы его не выставить... Может, он по жизни вор.

– И что за хаза? – деловито спросил он.

– Да мерин тут один сладкий есть. Цеховой. Бабла, говорят, валом. Только он его никому не показывает. Тихо живет, без фонтана...

– Кто говорит?

– Да есть тут одна. Юлькина подруга. Нехилая киска, скажу тебе, кровь с молоком. Наш цеховой таких любит... Он вообще пышных баб любит. Ирку целый месяц у себя держал, фильдеперсы там, все дела. Озолотил, короче... А она его сдала...

– Цеховой – это как?

– Ну ты даешь, в натуре, – заносчиво фыркнул Петруха. – Цеховой – это который химичит... Ну, не на химии, нет... В смысле у государства ворует, ага... Этот, ну, который наш, он на железобетонных конструкциях работает, ну, блоки там, плиты – часть направо, часть налево... Как там точно, я не скажу, не моего ума дела, да и на фига. Но факт, бабла у этого мерина много. Ирка даже просекла, где он их заныкал... Половину, коза, просит, за наводку, типа...

Наводчица требовала половину добычи, но Трофим не возмутился: каждый человек от этой жизни что-то хочет. Но и идти в фарватере какой-то марамойки он тоже не хотел.

– Будет ей половина, – пренебрежительно скривился он. – Если бабла куча, то разобьем ее на кучки. От одной кучки и будет половина...

– В натуре, она ж не знает, сколько там бабла, – озаренно просиял Петруха.

– Да ляд с ней, с этой дурой... Ты мне скажи, где эта хата, как мосты к ней подвести?

Оказалось, что сладкий фраер жил в собственном доме, на Линейной улице, у реки, в районе железнодорожного моста. Ни жены, ни матери – сам по себе, бобыль-бобылем. Хотя женщины в его жизни случались, наводчица Ирка – явный тому пример. Но бабы не так опасны, как овчарка во дворе – на охране. Забор невысокий, за домом пышный сад, окна без решеток...

– Хату ночью надо делать, – веско сказал Трофим.

– Так сладкий в хате будет, может помешать.

– Не помешает. Захомуем и в погреб, делов-то...

– Ага, делов то на рубль сорок пять... Сто сорок четвертая статья меня больше устраивает.

Трофим не мог не согласиться с Петрухой. Уж лучше влететь за кражу, чем за грабеж: чем легче статья, тем меньший срок схлопочешь.

– А ты не думай о статье, – свысока глянул он на своего дружка. – Ты думай о том, как хату выставить. По уму все сделаем, не влетим. А дергаться начнем, точно втяпаемся... Ночью пойдем.

– А псина? Ее ж на ночь отвяжут.

Трофим ненадолго задумался.

– А ты кино про пограничников когда-нибудь смотрел? Видал, как там собак тренируют?

– Как?

– А тулуп драный достань, увидишь.

– Будет тулуп.

– Ну и пика нужна, само собой. Пса валить надо.

– Надо так надо, об чем базар.

– Ну, тогда давай за удачу!..

Трофим плеснул в стакан себе и подельнику. Дело вовсе не безнадежное, так что есть основания надеяться на успех.

– Бабла срубим, в кабаке завалимся, – мечтательно протянул Петруха.

– Кабак – дело святое, – кивнул Трофим.

Ресторан – это не просто заведение, где можно выпить, закусить и снять бабу на ночь. Ресторан – это символ блатного фарта, если не сказать, смысл воровской жизни. Кабак – это песня вольной души. Если ты можешь позволить себе шикануть в ресторане, значит, все у тебя на мази, значит, не зря ты живешь на этом свете. А если с тобой еще и козырная красотоуля, значит, жизнь конкретно удалась...

Трофим мечтательно закатил глаза. Будут у него деньги, охмурит он Кристину – они еще спляшут свой карамболь в лучшем московском кабаке...

Он думал, что не застрянет на малине, но домой он пришел на четвертые сутки, в похмельном угаре, с тяжелой головой. Трофиму хватило ума закрыться в своей комнате и завалиться спать.

Проснулся утром, глянул на себя в зеркало. Кошмар. Отекшее лицо, свинячьи глазки, щетина в женский ноготь длиной. Брюки в винных пятнах, рубаха мятая, да еще и без пуговиц – кажется, в припадке пьяного бахвальства он рвал на себе одежду. Надо же было так ужраться... Матери дома не было, в это время она обычно шаталась по улицам, очищала их от пустых бутылок. На табуретке у двери стояло пустое ведро – нет воды, ни помыться, ни побриться. А перышки надо начистить: женщины замарах не жалуют...

Кристина застала его в самый неподходящий момент. Он стоял у окна на кухне, дожидаясь, когда закипит чайник. Сначала он увидел ее отражение в стекле, затем уловил аромат духов. Разволновался, но так и остался стоять на месте, даже не повернулся к ней. Пусть думает, что он ее не заметил. И пусть уходит... Но Кристина, как назло, проявила к нему интерес.

– О чем задумался? – живо спросила она.

– Да так, засыпаю на ходу, – не оборачиваясь, буркнул он.

– А паралич, случаем, не разбил?

Она мягко положила руку ему на плечо, потянула его на себя. Пришлось повернуться к ней лицом.

– А-а, понятно, – колко усмехнулась она. – Шумел камыш, деревья гнулись?..

Она-то уже успела навести лоск на свою картинку. Сама свежая, румяная, халат чистый, наглаженный.

– Ага, и ночка темная была... – в том же духе продолжил он. – Что, интересуется, кому я там молодость помял?.. Ну, была одна.

– Как раз подвиги твои меня совсем не интересуют.

И снова, как в прошлый раз, от ее кокетливого настроения не осталось и следа. И кухню она покинула так же торопливо. Как будто ошпарил он ее словом... Или ее мутит от его намеков, или цену себе девка набивает...

Трофим согрел воду, побрился, вымыл голову, сбрызнулся «Шипром». Неплохо было бы переодеться, но не во что. Совдеповские «техасы» и рубаха были в единственном экземпляре. Из войск в чемодане привез – по случаю приобрел, чтобы дома было в чем ходить. А доармейские шмотки устарели – размерчик уже не тот...

Впрочем, ничего страшного не произошло. Брюки можно выстирать, к рубахе пришить пуговицы... Трофим взялся за дело, натаскал воды, замочил в тазу «техасы». Пуговицы содрал со старых рубах, пришил к новой. Еще бы погладить ее. Но не нашел в доме утюга. Когда-то был, но мать его, видно, пропила...

Дверь в четвертую комнату была обита новеньким, еще пахнущим химией коззамом. Наличники свежескрашены в практичный темно-серый цвет. Чувствовалось, что муж у Кристины человек хозяйственный и основательный. Трофим не прочь был глянуть на него, но еще больше хотел застать свою зазнобу в полном и тягостном для нее одиночестве. Вдруг она все же пригласит его на чашку чая, вдруг захочет уронить свою голову на крепкое мужское плечо. Он надел форменные брюки, но отбросил в сторону рубаху – пусть Кристина увидит его голый и отнюдь не чахлый торс. Ведь женщине куда приятней, когда голова падает на обнаженное плечо. И вряд ли ее смутит выколотый на груди олень, символ свободы, и демон с крыльями, знак жестокости...

Трофим очень хотел увидеть Кристину, но дверь ему открыл низкорослый лысый толстячок лет сорока. Большая голова, маленькие бегающие глазки, тонкая шея, короткое бочкообразное туловище, кривые, как у монгольского всадника, ноги. Впечатление комическое – шарик-лошарик на колесике...

– Что вы хотели, молодой человек? – заискивающе улыбнулся он.

– Э-э, а Кристину можно?

Трофим заглянул ему за спину. Некогда замызганная комната Гаврилыча преобразилась, не узнать. Новые обои с золоченым орнаментом, пышный азиатский ковер на стене, шкаф, отливающий лаком. Кристина сидела в кресле за журнальным столиком. В руках журнал «Работница», полы халата разведены.

– Можно! – отозвалась она. – Но не всем...

Отбросила в сторону журнал, сначала прикрыла ноги полами халата и только потом поднялась с кресла. Но сделала она это лишь затем, чтобы переместиться в другую, скрытую от глаз половину комнаты.

– Вы слышали? – лукаво улыбнулся толстячок. – Можно, но не всем.

– А ты вообще кто такой? – довольно грубо спросил Трофим.

– Как это – кто? Шмаков Викентий Вячеславович...

– Шмаков?.. – оторопело выдавил из себя Трофим. – Так это ты муж Кристины?

– А вас что-то удивляет?

– Да нет, я просто хренею...

Нестерпимой была сама мысль, что Кристина может быть замужем за этой нелепостью. Это ж до какой степени нужно опуститься, чтобы спать с таким уродцем?

– Э-э, а тебе что, можно с ней, да? – скривил губы Трофим. – Ну, мне типа нельзя, а тебе можно, да?

Толстячок свел к переносице хлипкие бесцветные брови. Он пытался создать угрожающий эффект, но вышла умора, вызывающая истерический смех.

– Боюсь, что я вас не понимаю...

– Слышь, мужик, ты дурака не включай, не надо. Все ты понимаешь... Спишь с Кристиной, да?

– Позвольте!

– Слышь, ты интеллигента здесь не строй! Интеллигенты у нас на параше живут, понял!..

– Прекратите! – потешно топнул своей кривулькой толстячок.

– Чо ты сказал?!

Трофим уже собирался схватить его за грудки, когда из комнаты, отталкивая в сторону мужа, вынеслась Кристина. Волосы дыбом, в глазах огонь, брови чуть ли не на кончике носа. С разгона, свирепо толкнула его в грудь:

– Ты чего это о себе возмнил, придурок?

Она была похожа на матерую квочку, защищающую свой выводок от ястреба. Трофим опешил от столь безжалостного натиска.

– Эй, ты чего?

– Много на себя берешь, понял! – не унималась она.

– А что я сделал?

– Ты на мужа моего не наезжай, понял!

Она так уверенно и хлестко сыпала словами, как будто всю жизнь только тем и занималась, что отбивалась от мужиков. Трофим потрясенно смотрел на нее. Не ожидал он от нее такой прыти.

– Это, я утюг хотел взять... – подавленно обронил он.

– Обломайся, понял!

Она резко повернулась к нему спиной и скрылась в своей комнате. Дверь с шумом закрылась за ней. Трофим остался стоять как оплеванный... Кто бы мог подумать, что Кристина так шибко печется о своем плюгавом муженьке. Уж не любовь ли у них случаем?..

Глава 2

Ветер дул со стороны железной дороги, отчего шум несущегося по рельсам товарняка казался особенно громким. На то и рассчитывал Трофим. В рваном пыльном тулупе он с трудом перелез через шаткий забор. Овчарка кинулась к нему с лаем, зарычала, вгрызаясь в подставленный рукав из толстого слоя тряпок. Не по зубам оказалась ей матерчатая броня, зато сама она стала легкой добычей для ножа, клинок которого Трофим всадил ей в шею. Пронзительный предсмертный скулеж, недолгая агония. А товарный состав продолжал греметь сотнями своих колес...

На часах половина второго ночи. Терпила ничего не слышит, спит в оба глаза и в ус не дует. Беда нечаянно нагрянет...

Трофим махнул рукой – позвал к себе уже перемахнувшего через забор подельника, кивком головы показал на дверь. Тот деловито достал из кармана связку отмычек, сунул в скважину замка сначала одну, затем вторую. Тонко щелкнула пружинка, ригель испуганно забился в свою норку. Но дверь так и не открылась. Трофим свысока глянул на взломщика. Как чувствовал, что дверь будет закрыта на внутренний засов. Но это несмертельно. Известное дело, если вора не впускают в дверь, он лезет в окно.

Трофим спокойно сел на скамейку в самодельной беседке. Плотная занавесь из стеблей дикого винограда, зеленеющие деревья – с улицы и со стороны соседей его не видно. Было бы лучше затаиться в саду, там вообще темная глушь, но оттуда двери не видать, а она должна быть под присмотром. Петруха подсел к нему. Оба закурили. Тлеющие огоньки сигарет прятали в ладонях – и по привычке, и чтобы себя не выдавать. Бестревожно дождались следующего поезда и только тогда приступили к делу.

Петруха плечом выдавил одно стекло в окне, второе. Просунул вглубь руку, сорвал нижнюю щеколду, затем верхнюю. Он первым забрался в дом, за ним – Трофим. В комнате пусто, темно и спокойно, на душе тоже безветрие. Если б и дальше так продолжалось...

Терпилу они обнаружили в соседней комнате. Мужик натурально давал концерт для хора без оркестра. Трофим усмехнулся. И на кой они мудрили с поездами, зачем только время теряли? Мужик храпел так, что выстрел над ухом не услышал бы. Пожалуй, и будить его не надо. Пусть дальше дрыхнет, а Петруха за ним присмотрит.

Если верить наводчице, схрон должен был находиться под шкафом. Она говорила, что сама видела, как цеховой отодвигал его, чтобы достать деньги. Типа, подглядывала за ним, потому и засекала тайник. Соврала или нет – в этом Трофим и должен был сейчас убедиться.

Массивный шкаф отодвинулся достаточно легко – как будто его ножки были смазаны солидолом. И обрезок доски так же легко вышел из своей ниши в дощатом полу. Тайник, а в нем денежные пачки, «котлеты» – некогда считать их и смотреть, какого достоинства купюры. Трофим хапнул все. Накрыл доской опустевшую нычку, собрался вернуть на место шкаф, когда уши сдавила внезапно навалившаяся тишина. Это хозяин дома перестал вдруг храпеть, проснулся, вскочил с кровати. Скрип панцирной сетки, ошалелый вопль.

– Я вам покажу!.. Ой-е!..

Нож вошел в тело с глухим хлюпаньем. Короткий, затухающий вскрик, конвульсивно дернувшееся тело... Нет больше цехового, Петруха постарался – на перо его поставил.

– Ну и на кой ты это сделал? – вызверился на него Трофим.

– Так это, у него ж волына!

Петруха вырвал «наган» из коченеющей руки покойника.

– Под подушкой, гад, ее держал... Хорошо, что нож под рукой был... А ты чем-то недоволен? – набычился он.

– Не, ля, спляшу щас на радостях! Нам же теперь мокруху шить будут!

– А пусть сначала спалют... Слышь, а если нам петуха сюда пустить, красного, а? Что скажешь?

– Сечешь фишку, братан!

В гараже они нашли машину и четыре полные канистры бензина. Почти что новая «тройка» так и просилась на грех. Трофим ухарски подмигнул подельнику:

– Прокатимся?

– Ну, если с ветерком...

– Ага, и с покойничком заодно... Жмура давай сюда...

Труп загрузили в «Ладу», дом щедро окропили бензином, сделали самодельный фитиль из простыни... Пламя занялось уже после того, как машина выехала за ворота.

Путешествие было недолгим. Трофим загнал автомобиль глубоко в лес и снова устроил пожар – с таким расчетом, чтобы мертвое тело сгорело дотла. Ждать, пока машина сгорит, не стал. Ушел сам и увел за собой подельника.

Вышли к речке, Трофим присел на поваленное дерево на берегу. Ночка лунная, настроение отменное – еще бы, карманы от бабла лопаются. А то, что терпилу прижмурили, так сам виноват.

– Держи!

Трофим вытащил из-за пазухи чекушку водки, сорвал пробку, жадно припал к горлу. Остановился ровно на половине, протянул бутылочку Петрухе. Тот выпил, выбросил опустевшую склянку в реку, вперил в Трофима вопросительный взгляд. Пришлось выкладывать на кон общими потугами добытые деньги. Две пачки «катьками», три «четвертными», столько «червонцами».

– Тридцать косарей и пятихатка, не хилый улов, да, братишка? – осклабился Трофим.

Петруха жадно облизнул пересохшие губы.

– Пятихатку себе оставь, – сказал он.

– Да нет, ее тоже пополам разобьем...

– Ты не понял. Пятихатку себе забираешь, а остальное мне.

Трофим ошалел от такой наглости. В лютой злобе сощурил глаза.

– Ты хоть понял, что сказал?

– А чо тут понимать? Я хазу пробил, я терпилу сделал. А ты всего лишь пса завалил, вот и возьми за это свою пятихатку...

– Это беспредел, в натуре.

– А баб чужих топтать – это не беспредел?

– Каких баб? Юльку?! Ты с крыши съехал, да? Я чо, просил? Ты сам дал!

– Не я дал. Она дала.

– И ты давать будешь, козел! Ты через понятия переступил, понял? Тебе это задом выйдет!

– Какие понятия? Кто ты такой, чтобы меня на понятия ставить? Ну, по бакланке срок мотал, ну и чо?..

– А ты кто такой? По амнистии вышел, да?.. Не было никакой амнистии. По условке ты вышел. Козлил небось, да! Братву мусорам сдавал! Да я тебя, гниду!..

Трофим полез в карман за ножом. Но Петруха его опередил – наставил на него «наган». Финка сама вывалилась из руки.

– Маслины там есть, я смотрел. Только дернись, вмиг форточку тебе открою...

Трофим не хотел умирать, но разбушевавшаяся в нем злоба оказалась сильнее страха перед смертью.

– Ты, крыса! – в бешенстве заорал он. – Я же тебя урою, падла!..

– Ото ж... – кивнул, соглашаясь, Петруха. – Кончать тебя надо...

Он нажал на спуск, только вместо выстрела послышался холостой щелчок. Осечка. Но барабан провернулся, а очередной патрон мог оказаться нормальным... Не дожидаясь, пока Петруха повторит попытку, Трофим кинулся на него, сбил с ног и сцепился с ним в жестокой схватке.

Петруха умел драться, и силы в нем хоть отбавляй, но и Трофим не лыком шит. Он смог выбить револьвер из его руки. Оседлал врага, обхватил его голову руками, несколько раз приложил затылком к булыжнику на земле. Но Петруха извернулся, скинул его с себя, начал душить. И выдавил бы из него душу, если бы Трофим не избавился от захвата... Он снова завладел инициативой, затем потерял, чтобы вновь обрести... Силы их были равны, и победить мог только тот, в ком крепче дух и прочнее воля...

Первым выдохся Петруха. Изнывая от усталости, трясущимися руками Трофим подобрал с земли камень, шарахнул им по вражьей голове. Раз, второй, третий... Он бил до тех пор, пока Петруха не затих...

Какое-то время он лежал на земле, пытаясь осознать, что все уже закончилось и больше ему ничего не грозит. И сил набирался, чтобы подняться на ноги...

От покойника надо было избавляться. Сначала Трофим напихал камней за пазуху его рубахи, а затем с обрыва скинул труп в глубокую воду. Смыв с лица кровь, рассовал по карманам брошенные деньги. Нет больше Петрухи, и не надо ни с кем делиться. На душе полегчало, на губах зазмеилась злорадная улыбка...

* * *

«Не идет, а пишет...» Именно с такой легкостью шла по улице Кристина. Все та же тесная кофточка, опять же короткая и узкая, но уже не джинсовая, а велюровая юбочка. Не женщина, а мечта. Мужики пучат глаза ей навстречу, пускают слюни вслед, а она идет, никого не замечает. Как будто выше всех и каждого... Соблазнительно красивая, вызывающе грациозная – ягодка-малинка, так и просится в роток. И странное дело, никто не пристаёт к ней, никто не пытается навязать ей знакомство. Было в ней что-то незримо ядовитое, но, видимо, отпугивающее. Радиоактивная она, что ли...

Трофим крутанул ручку газа, мотор взревел всеми своими лошадиными силами. Снова заставил работать двигатель на малых оборотах... «Коза» у него что надо – чешский «Чезет», но даже на ней боязно подъезжать к зубастой красотке. Без малого две недели прошло с тех пор, как она устроила ему головомойку, а все равно страшновато... Но медлить нельзя, ведь уйдет. Поймает такси и тью-тью... Он оттолкнулся ногой от земли, без суматохи укоротил норов рванувшего вперед «зверя», тихонько подъехал к Кристине, застопорил ход.

– Садись, прокачу!

Она остановилась, вздернула брови – признак удивления.

– А где здрастье?

– Э-э, привет... Кататься поехали, да?

– Куда?

– Ну, просто.

– А я что, на простуху похожа, чтобы со мной просто?

– Да я бы в ресторан тебя пригласил...

– В ресторан? Как мило!.. Я смотрю, ты на колесах. Да и приборохлился...

– Да так, по случаю обломилось.

Случай, о котором говорил Трофим, заключался в награбленных деньгах. Тридцать тысяч – колоссальная сумма, трудяге на стройке лет десять надо горбатиться, чтобы столько заработать. А то, что кровь на них, Трофима ничуть не смущало.

Мотоцикл купил, монтановским прикидом обзавелся – штаны и рубаха из джинсы. Хату снял, чтобы дома не появляться. Избегал встречи лоб в лоб с Лешкой, не хотел объясняться с ним за брата – где он, что с ним. А так ни Трофима нет, ни Петрухи, значит, на «гастролях» они где-то... Все в ажуре у Трофима. И малина своя собственная, и мотор под седлом, и «наган» за поясом под рубахой навывпуск. Осталось только Кристину обуздать для полного счастья.

– И ко мне по случаю подъехал? – задорно улыбнулась она.

И снова Трофиму показалось, что Кристина заигрывает с ним. Но теперь он знал, что это всего лишь видимость. Она как тот пустынный мираж – зовет, манит, а в руки не дается. И все же он будет гнаться за ней. Ну не может так быть, чтобы она крепко любила своего замухрышистого мужа. Наверняка не прочь наставить ему рога. А может, уже всю крутит с кем-то на стороне.

– Да по какому случаю? – торопливо мотнул он головой. – Грусть-тоска без тебя заела.

– О-о! Да ты никак в любви мне признаться хочешь? – развеселилась Кристина.

– Да не вопрос, – замялся он.

– Ну так признавайся!

– Э-э, может, сначала в ресторан?

– Ты хотя бы спросил, куда я иду.

– Куда?

– На работу. Работаю я.

– Где?

Время, примерно половина второго пополудни. Поздно уже на работу идти... Разве что во вторую смену, на завод. Но Кристина не могла работать там, очень сложно было представить ее в грязной робе у печного трансформатора в электроплавильном цеху.

– В районной библиотеке.

– Ну, нормально... Так это ж пока доберешься. Садись, подвезу.

– Я лучше на автобусе.

Улыбнулась она игриво, если не сказать, завлекательно, а головой мотнула категорично. Настаивать Трофим не стал, он уже знал, чем это может закончиться. Уж лучше расстаться на мажорной ноте...

– Ну, тогда пока...

Он дал понять, что уезжает. Ждал, когда Кристина продолжит путь, но она не торопилась уходить. И смотрела на него в легком насмешливом недоумении.

– Ты куда?

– Так это, ты же сказала, что на автобусе...

– А до остановки сколько идти?

– Ну, метров сто...

– Это, по-твоему, мало?

– Да нет... Просто я подумал, что если ты не хочешь со мной...

– Парень, ты не глупи, не надо! – перебила его Кристина. – Каску давай, поехали!

Трофим ощутил себя китайским болванчиком, которого сбросили с комода прямо на мотоцикл. Действительно, сглупил он конкретно. Кристина сама напрашивается, а он пургу какую-то метет...

Каска у него была одна. Он ею не пользовался, поэтому она украшала собой багажник мотоцикла. Трофим открепил ее, подал Кристине и замер в ожидании чуда.

Она приподняла и без того короткую юбку, перекинула ногу через сиденье, обняла его двумя руками... Ощущение искросыпительное. Душа развернулась на ширину первомайского транспаранта, нервы загудели как провода под высоковольтным напряжением...

– Может, сразу в библиотеку? – спросил он.

– Ты еще спрашиваешь? Поехали!

Чем круче вправо забирала стрелка спидометра, тем крепче Кристина прижималась к нему. Но и гнать быстро – время сжимать. До библиотеки не так уж и далеко – километра три-четыре, не больше. А ему хотелось, чтобы время растянулось до бесконечности, хотелось, чтобы Кристина обнимала его целую вечность... И он нашел выход из положения, принялся кружить по городу. Он знал Чернопольск как свои пять пальцев и мог водить вола сколь угодно долго.

– Ты что, заблудился? – крикнула Кристина.

– А что?

– Мне уже на месте надо быть.

– Надо – будем!..

Он ей не верил. Не хотела Кристина ехать на работу, ей нравилось кататься в обнимку с ним, она бы не отказалась прокатиться с ним на речку, под кусток... Он мог бы прямо сейчас отвезти ее на реку, сначала искупаться с ней, ну а потом... И все же Трофим решил не торопить события. На работу так на работу, а вечером он за ней заедет...

Они подъехали к библиотеке, Кристина сошла с мотоцикла, оправила юбку.

– Закружил ты меня, – с легким, несерьезным упреком сказала она.

– А я такой! – задорно улыбнулся он. – Как насчет вечера?

– Да, ты такой! Наглый, как таракан!

– Спасибо, что не крыса... Так что насчет вечера?

– Я через час освобожусь...

– Так быстро?

– А я ударными темпами... Если хочешь, подожди. Только внутрь не заходи, не надо...

– Заметано.

Но Трофим не выполнил обещание. Выждал время за сигаретой, тихой сапой через черный вход проник в библиотеку... Крестину он обнаружил в вестибюле. Темный халат, плотно завязанная косынка, швабра в руках. Оказывается, она здесь техничкой работала...

Кристина не обманула, ровно через час она вышла из библиотеки, но даже не глянула на Трофима – прямым ходом направилась к автобусной остановке. Как будто забыла о его существовании. Но он уже не сомневался в том, что это всего лишь игра-завлекаловка. Недотрогу из себя изображает, цену набивает. И так планку подняла, что Трофим готов был ради нее поступиться своей гордостью. Если она делала вид, что забыла о нем, значит, и он не должен был напоминать о себе. Развернуться да уехать. Но нет, он снова подкатился к ней, рыкнул мотором на холостом ходу.

– А-а, Трофим! – всколыхнулась она. – Я думала, ты уехал.

– А ты бы вокруг глянула.

– Да как-то не подумала.

– Нехорошо... Придется тебе загладить свою вину.

– Как это загладить?

Ее возмущение трудно было назвать яростным, но дыхание у нее перехватило.

– А так, в ресторан со мной сходишь.

– Ну, если только на часик-другой...

Ни жеманства в ее взгляде, ни кокетства, но это и не обязательно, главное, что она согласна... Трофим чувствовал себя рыбаком, на крючок которому попалась брыкастая щука. Осталось вытащить ее на берег и посадить на кулан.

– За пару часиков мы только до Москвы доедем...

– А потом еще столько же в очереди ждать, когда место освободится, – усмехнулась она. – Если вообще дождемся... Не надо в Москву. Разве здесь ресторана нет?

– Есть, но не фонтан.

– Не знаю, не была.

– Разве что немного посидеть, ну а потом... – Трофим нарочно затянул паузу.

– Что потом? – мнительно глянула на него Кристина.

– Ну, ко мне можно заглянуть. Я домик на Побережной снимаю... Река совсем рядом, погода какая, искупаться можно...

– А дальше что?

– Ну ты как маленькая...

– А ты у нас уже большой, – усмехнулась она. – Рано ты меня домой к себе зовешь, ох как рано... И вообще, не надо меня никуда звать. Не хочу я с тобой!

– Да ладно тебе...

Трофим потянулся к ней, чтобы обнять ее одной рукой, но Кристина резво сделала шаг в сторону.

– Уже и руки распускаешь... Быстрый же ты... Не надо было с тобой миндальничать, сглупила я...

Момент истины был так близок, но «щука» снова срывается с крючка... Трофим закусил губы с досады. И на кой он тянул ее к себе домой?..

– Но в ресторан же ты хотела, – понимая, что дело дрянь, тускло сказал он.

– Это чтобы тебя не обидеть.

– Так я же не обиженный, чтобы обижаться.

– Вот и гуляй вальсом. А я домой.

Он вспомнил, как час-два назад она не позволила ему уехать, в сущности, сама в пассажиры к нему напросилась. Что, если этот номер и сейчас пройдет?..

– Ну, тогда пока.

Он сделал ручкой, но не уезжал. Зато она повернулась к нему спиной и продолжила свой путь к остановке.

– Эй, погоди! – не выдержал он.

Но Кристина даже не обернулась.

* * *

Настоящие пацаны не сдаются, не гнутся и не ломаются. Трофим выждал день и снова навязал себя Кристине. Она возвращалась с работы, а он подъехал к ней, безропотный и смиренный. Он тоже умеет создавать видимость.

– Тебе не надоело за мной гоняться? – спросила она.

Голос звучал недовольно, но в глазах угадывались шальные блески.

– Так делать все равно нечего, – небрежно пожал он плечами.

– Дома почему не бываешь? Мать бы навестил...

– Так я и подъехал для того.

– Хочешь, чтобы я тебя за ручку к маме привела?

– Да нет, если б ты ей денег передала...

– О, нет! Когда у нее деньги, на кухне становится очень шумно! – в мажорной улыбке обнажила она белоснежные зубы.

– Тогда я сам передам.

– Это что, шантаж?.. – скорее притворно, чем всерьез возмутилась Кристина.

– Ну да. Или – или. Или ты идешь со мной в ресторан, или...

– То вину заглядить, то шантаж... Далек пойдешь, парень!

– Да мне далеко не надо. В ресторан и с тобой...

– Боюсь, это только начало...

– А ты не бойся.

– Не бойся и расслабься... – безрадостно усмехнулась она.

– Ну так что, едем?

– Какой же ты быстрый... Ладно, поехали. Но только недолго.

И снова Кристина оседлала мотоцикл, снова обняла Трофима сзади.

Ресторан в Чернопольске сложно было назвать шикарным. Просторное овальное помещение, широкие окна с выходом на главную городскую площадь, ассортимент вроде бы ничего, кабацкая музыка. Но публика несолидная да и опасная – шушера благованная да трудяги-алкоголики. Поножовщина здесь – дело обычное. Оттого, видимо, и официантки такие хмурые – как фронтовые санитарки с переднего края.

Но днем здесь спокойно. Музыка нет, но и народу едва-едва – командированные да местные алкаши со звоном в кармане... Но именно тишина и не нравилась Трофиму. Ему размах был нужен, чтобы вокруг все гремело и бурлило, чтоб ощущение тревоги щекотало нервы, чтоб можно было начистить чей-нибудь борзой хрюльник. Скучно, когда тишь да гладь, и ощущение собственной крутизны, как та улитка, все норовит уползти в свою раковину...

Трофим выбрал столик поближе к эстраде. Возможно, Кристина войдет во вкус и не захочет уходить отсюда, а там и вечер наступит, музыканты лабать начнут. На столе несвежая скатерть, затасканный стаканчик с одним-единственным пластмассовым цветком, заплеванная горчица в треснувшей вазочке. Официантка подошла к ним с таким видом, будто Трофим собирался навьючить на нее пару ящиков со снарядами.

– Заказывать что будем? – кисло спросила она.

– А меню где?

– Да зачем? Из первого только харчо, из второго только шницель с гречкой...

– Зачем тогда спрашиваешь?

– Пить будете?

– А что есть?

– Только водка.

– А шампанское?

– Говорю же, только водка...

– А в три цены?

– Ну, бутылочка найдется...

Повеселевшая официантка ушла, вернулась с подносом. Шницель с гречкой, капустный салат, шампанское и водка.

– Бедлам, – Трофим презрительно оттопырил нижнюю губу. – Говорил же, не фонтан...

Не так он представлял свое randevu с Кристиной. Шик-блеск вокруг, а он посреди всех такой крутой и недоступный, официанты в пояс кланяются, стол от деликатесов ломится, а она вся такая в фильдеперсах... Хоть с одним все в порядке – Кристина выглядела на загляденье хорошо.

– Ничего, зато отобедаем...

Принужденной улыбкой она пыталась скрыть разочарование, но этим нагнетала еще большую тоску. Уж лучше бы прямо сказала, что дело табак.

– Шампанское теплое... – проворчал Трофим.

– А мы не будем его пить.

– Что, водку будешь?

– Если шампанское не буду, то водку подавно... Меня же муж дома ждет.

Трофим вздернулся, как будто под нос бутылку с техническим нашатырем сунули.

– Я не понял, ты сейчас со мной или с мужем?

– С тобой. Но не для того же, чтоб ты мне мужа заменил. Мы же с тобой соседи, вот и пообедаем по-соседски... Я понимаю, ты рассчитываешь на большее, но извини...

Она смотрела на него вроде бы виновато, но напористо и непоколебимо. Как будто на все сто была уверена в том, что не уступит Трофиму...

Он чувствовал, как в нем закипает желчь. Не для того он заманивал Кристину в ресторан, чтобы отпускать ее от себя нецелованной. Там, возле библиотеки, она еще могла брыкаться и топтать ножкой. Но здесь, в кабаке, в этой святыне блатного мира, она уже не вправе его динамить. Раз она пришла сюда, значит, согласна на все. И если ей это непонятно, придется объяснить...

– Ты что-то не то говоришь, – угрожающе насупился он.

– Что не то? – ожесточенно глянула на него Кристина.

И он понял, что не сможет наехать на нее ни сейчас, ни потом. Был в ней какой-то кремниевый волнорез, о который разбивались волны его агрессии. И она знала об этом, потому и чувствовала себя так уверенно. Потому и не боялась вилять хвостом... Семижилная красотка, и повезло ж кому-то... Шмакову, этому бочонку с дерьмом, повезло...

И все же Трофим не терял надежды.

– Ничего... – сконфуженно мотнул он головой.

– Пойми, я люблю своего мужа, – увещательным тоном сказала она.

Он мятежно глянул на нее... Она что, издевается?

– Не понимаю. Как можно любить такого прыща?

– Напрасно ты так. Викентий – очень хороший... Ну, не красавец. Но ведь в мужчине это не главное... Давай не будем об этом. Все равно ты ничего не поймешь...

– Это вряд ли.

– Знаешь, почему волков санитары леса называют? – спросила Кристина и сама же ответила: – Потому что они слабых пожирают... И ты такой же волк. Слабых ты за людей не считаешь. Я не буду говорить, хорошо это или плохо, скажу, что Викентий – не слабак. Поверь, был бы он слабаком, я бы его не полюбила...

– Значит, любишь! – снова завелся Трофим.

– Ты же не глухой, чтобы повторять.

– А как же я?

– Ты думаешь, зачем я здесь? Чтобы договориться с тобой, по-хорошему... Парень ты с норовом, дров сгоряча наломать можешь. Так вот, я тебе хочу сказать, что если с Викентием что-то случится, то я тебя сама, своими руками...

Она улыбалась, но в глазах минус сорок по Цельсию и твердокаменная уверенность в собственных силах. Такой взгляд, что оторопь берет...

– Странная ты какая-то, – усмирительно покачал головой Трофим.

– Какая есть... Ладно, так уж и быть, выпью с тобой на посошок.

Она лишь пригубила из рюмки, ковырнула вилкой шницель, и на этом трапеза закончилась.

– Домой меня отвезешь? – спросила она.

Но Трофим еще не потерял последнюю надежду.

– Может, лучше ко мне?

– Снова ты за свое? – укорила его Кристина.

– А если ты мне нравишься?

– Найдешь себе девушку...

– Таковую не найду.

– Извини, но я тебе ничем не могу помочь... И вообще, сколько можно извиняться? Будь мужчиной, веди себя достойно... Ладно, оставайся, я сама...

Но Трофим все же последовал за ней. Но вернулся в ресторан, как только отвез Кристину домой, вернулся...

* * *

Горемычная душа искала забвения на дне бутылки. Трофим пил, не зная меры. И, как ему казалось, совершенно не пьянел.

За окнами ресторана давно уже темно, лабухи устали дуть в микрофоны, под соседним столом лежит в дулет упитый мужик, где-то рядом гогочет пьяная компания, чьи-то расплывчатые рожи перед глазами... Трофим тряхнул головой, натужно сфокусировал зрение... Ну да, знакомые вывески. Котя Сом и Рома Конопля. Когда-то, еще до зоны, Трофим тусовался с ними. Пришли в кабак, увидели его, подсели...

Трофим напряг память. Да, он помнил, как пацаны подошли к нему, а что дальше – разрешил он приземлиться или нет? И еще вопрос – сколько уже выпито и кто за все платит?..

– Давно вы здесь, пацаны? – спросил он.

– О, ля, очнулся? – осклабился Сом.

Морда у него здоровенная, шеи почти не видно – такое впечатление, будто одна голова прямо в плечи врастает. Ну точно Сом.

– Это кто ля? – взбесился Трофим. – Ты за базаром следи!

– Извини, братан, ляпнул, не подумал, – прижух Сом.

– Ляпнул он... За такой ляп без башки остаться можно!

– Да говорю же, не подумал.

– Ладно, живи... – успокоившись, махнул рукой Трофим.

Столовый нож со звоном упал на пол из гранитной крошки. Только сейчас до Трофима дошло, что на Сому он бросался с железкой в руке. Нож хоть и тупоносый, но все же... Похоже, водка капитально заклинила мозги. Так и до греха недалеко. Ноги делать надо.

Но неожиданно его взгляд зацепился за белокурую грацию в дальнем конце ресторана. Она сидела к нему спиной за столиком в компании нехлипких на вид мужичков, от которых можно было огрести по пятое число. Но ее светлые волосы стали для Трофима зажженной спичкой, брошенной в бочку с порохом. Точно такие волосы были у Кристины... Что, если это она развлекается с кабацкой пьянью?..

Никто не стал удерживать его, когда он сорвался с места. А сам он застопориться не смог – тормоза сорвало вместе с башней.

Трофим подошел к девушке, с силой опустил руку ей на плечо, развернул к себе... Нет, это не Кристина. Обознатушки... Но поздно поворачивать назад. Уже всплыла перед ним красная от злости морда. А глаза как у мужика светятся – видно, что давно ждал повода кулаки разуть.

– Ты чо, мурло! В бубен давно не получал?

Сначала в нос ударил спертый запах перегара, а затем в том же направлении полетел здоровый, как дыня, кулак. Трофим и сам не понял, каким чудом успел отскочить назад. Не дотянувшись до него, мужик завалился вперед, не смог удержать равновесие и плашмя рухнул на пол. Трофим не растерялся и со всей силы двинул его ногой по голове. Раз-два, и все с левой...

Но на помощь своему дружку ринулись остальные, Трофим понял, что сейчас из него сделают котлету. И вовремя он вспомнил про «наган»...

– А-а-а!.. Бах! Бах!..

Визги, крики, шум падающих стульев – все смешалось в пьяном сумбуре. Кто-то из нападавших упал, хватаясь за живот. Это и отрезвило Трофима. Голова еще пока плохо соображала, но ноги уже несли его к выходу...

На улице его снова накрыло, да так, что в памяти образовался провал. Он не помнил, как добрался домой, как поднялся на второй этаж, как кто-то из соседей открыл ему дверь.

Сознание включилось, когда он стоял у дверей в комнату Шмаковых и со всей мочи молотил в нее рукоятью «нагана».

– Открывай, сука!

В сознание он пришел, но мозги на место не встали. Вокруг соседи, мать вцепилась в рукав, но Трофим не унимался.

– Зашибу! Открывай!

Но дверь оставалась закрытой. Открывалась она наружу – ногой не выбить... Подсказку дал сам черт, дергавший за извилины мозга, как ямщик за поводья конной упряжки. Трофим вспомнил, что у соседа Бунякаина есть топор.

Тот заупрямился, инструмент дать отказался, пришлось кулаками выбивать у него согласие.

Топор большой, тяжелый, Трофим бил по двери с размаху – хватило нескольких ударов, чтобы снести преграду со своего пути. Он ворвался в комнату, но наткнулся на ствол охотничьего ружья. Если бы в него целился Викентий, он бы не остановился – уверовал бы в то, что этот хлюпик не посмеет выстрелить, и бросился бы на него. Но ружье держала Кристина. На лице суровое спокойствие и сосредоточенность, в глазах стужа. Никаких сомнений в том, что выстрелит. У Трофима опустились руки. И «наган» с глухим стуком упал на пол.

Черт в голове притих, но прочь не убрался, кровь не остывала. Трофим не стал кидаться грудью на ружье, но набросился на Викентия, который в одних трусах и майке жался к отважной жене.

– Что ж ты за бздун такой? – презрительно выкрикнул он. – За бабу спрятался?

Викентий не прятался за Кристину, он всего лишь стоял рядом с ней, и вид у него вовсе не был жалким. Он держал в руке нож и даже, казалось, готов был пустить его в ход. Но для Трофима это ничего не значило, даже если бы Шмаков превратился вдруг в свирепого тигра, он бы и тогда продолжал считать его полным ничтожеством.

– Заткнись, паскуда! – зашипела на него Кристина. – Как знала, что так и будет!

И снова черт в голове дернул за «поводья» – Трофим взбеленился.

– Будет!!! Никуда ты от меня не денешься, поняла!.. Лучше застрели!!!

В истерическом исступлении Трофим рванул на себе рубаху, сорвал ее с себя. Немного подумал, бросил ее под ноги и принялся топтать. Глаза бешеные, у рта пена. Кристина смотрела на него, не скрывая своего презрения. Но на спуск не нажимала...

Кто-то схватил его за одну руку, затем за вторую. Трофим решил, что это кто-то из соседей, дернулся, пытаясь вырваться. Но сила захвата лишь увеличилась. А затем чья-то рука обхватила его голову. Его сбили с ног, больно ткнули носом в пол. Только тогда он понял, что соседи здесь ни при чем...

Глава 3

Трофим открыл глаза. Женская туфля на высоком каблуке, лодыжка, колено, бедро... Красивая ножка, даже в тумане перед глазами видно, что загорелая. Черная юбка натянута на ноги, но ее длины не хватает, чтобы закрыть и половину бедра... Юбка, кофта, слегка обрюзгший подбородок, полные щеки, синеватые лапки сосудов на массивном носу. И глаза – маленькие, злые и наглые.

– Ну чего уставился? Буркалы сломаешь!

На него смотрела женщина с ладной фигуркой, но корявым лицом. Потрепанная, затасканная. Но зубастая. Дрянь.

Трофим медленно поднялся с заблеванного бетонного пола, качнулся, пытаясь удержать равновесие. Распухшее от побоев лицо, заплывший глаз, кости трещат, почки болью взывают о пощаде. Темный коридор за решетчатой стеной, скамейки вдоль шершавой стены, под потолком яркая лампочка со специальным защитным колпаком. Даже одной извилины бы хватило, чтобы сообразить, где он находится. Клетка ментовская, «обезьянник», куда суют «погорельцев» сразу после задержания. А лицо всмятку и тело вперемолку – ясен пень, менты постарались, душевно отбуцкали, ничего не скажешь...

Он напряг память. Да, были менты. Скрутили его, связали, навешали люлей для приличия и засунули в машину, доставили в отделение – а здесь «пивком» угостили, больно по почкам били, гады. Так больно, что лампочка в голове потухла. Только-только включилась, и то в треть накала. Каша под черепной костью, в душе куча дерьма.

Пинали его менты тут, в этой камере. И никакой бабы здесь не было. Видать, потом подсунули... Трофим навис над ней, зловеще полыхнул взглядом.

– Ты на кого пасть разинула, тварь?

Женщина стушевалась, испуганно потупила взгляд... Никакая она не зубастая. Уж Кристине точно в подметки не годится. Та бы не менжанулась, а у этой поджилки от страха затряслись. Хоть сейчас бери за волосы да на лавке раздвигай – все сделает, даже не пикнет... Но менты, возможно, только того и ждут. Потому и посадили к нему бабу. Их дежурка должна находиться рядом, дверью выходить на камеру. А в двери, как правило, окошко, откуда можно наблюдать, чем занимаются в «обезьяннике». Может, какой-нибудь рукоблуд уже пасет «погорельцев» в ожидании развратного действия...

Трофим ухмыльнулся, сел на лавку напротив соседки. По привычке охлопал карманы рубахи в поисках сигарет. Но нет ничего, ни рубахи, ни курева. И в джинсах пусто... Но в камере витал табачный дух, он улавливался даже распухшим носом. Кто-то совсем недавно курил. Ясно кто... Он пристально глянул на сокамерницу, жестко усмехнулся.

– Только не говори, что у тебя нету...

Она все поняла, торопливо полезла в лиф кофточка, достала оттуда сигарету и зажигалку, протянула ему.

– «Дорожные»... – прочитал он на облатке. – Значит, в дорогу. Типа, на посошок... Откуда смоль? – дерзко хмыкнул он. – Менты оставили? И чем ты их отблагодарила?

– Чем надо.

– Может, и мне спасибо скажешь, а? Мне ж воли долго не видать, а на крытом «спасибо» не говорят. Да и некому. Там одно мужье, а бабы только снятся...

– Разжалобить хочешь?

– Ага, в жилетку тебе поплакаться... Где там твоя жилетка?

– Где надо!

– Как зовут хоть?

– Нина.

– Оп-ля! Нинка как картинка с фраером гребет... – разыгрался Трофим.

Подсел к ней, обнял за плечи... Нинка была похожа на Кристину примерно так, как чудовище на красавицу. Волосы черные, спутанные, лицо даже на третий сорт не тянет, дешевым пойлом от нее несет и табачной перекистью. Зато ножки какие, да и под кофточкой есть что пощупать...

Кристина осталась в прошлом. В настоящем только Нинка. Видно, что шалава подзаборная, но уже скоро не будет и этого. Завтра утром спустят в подвал, сунут в камеру предварительного заключения, там уже никаких баб...

– А я Трофим... Нормальное имя, да? Влюбиться можно?... Полюби ты меня, Нинка!..

Дурачился он неспроста. И это не заигрывание, а своего рода самоуспокоение. Если весело, значит, жить можно. Даже если это искусственный кураж, все равно дышать легче...

– Ну, не знаю, – гундосо, угрюмо произнесла она. – А почему тебе воли не видать? За что ты здесь?

– А ты?

– Да пьяная шла, а тут мусора... Козлы...

– Не то слово... А я...

Трофим запнулся, лицо его потемнело, взгляд налился свинцом... Он еще не в тюрьме, но уже за решеткой, здесь нельзя никому верить, и душу открывать первому встречному негоже. Вообще нельзя откровенничать, потому что менты хитры и коварны, на любую пакость способны... А наседок-стукачей убивать надо...

– Что ты? – неосторожно поторопила его Нинка.

Впрочем, она уже и без того выдала себя с головой.

– Да лишку дал, – подобрел, для того чтобы сбить ее с толку, Трофим. – Ну и с ментами поцапался... Ничего такого. Но ты же знаешь, какие они, нет вины – что-нибудь придумают. Им бы человека посадить...

– Ну да, – кивнула она.

– Так ты любить меня будешь?

Трофим бесцеремонно облапил ее большую, но мягкую и обвислую грудь.

– Так сразу? – Как будто какая-то пружина сжалась в ней.

– Ну а чего... А потом поговорим... Я тебе все расскажу...

Его рука полезла к ней под юбку, и ее пружина разжалась, ноги разошлись, нет, разбежались в стороны, как кошка с собакой... Зеленый свет, жми на газ...

Трофим жал как одержимый. И плевать, что за ними наблюдают менты. Пусть извращаются, если они такие похабники.

Отвалился от использованного тела, натянул штаны. В настроении диссонанс – с одной стороны, хорошо, с другой – тошно. Не та баба Нинка, чтобы в кайф... Да и она, похоже, ничего не поймала. Для нее раздвинуться – что до ветру сходить... Шлюха. И наседка, курва ментовская...

– Хочешь знать, на чем я погорел? – злобно ощерился Трофим. – А суку одну придушить хотел. Знаешь, как?

Он резко, одной рукой обхватил ее шею. Но душить не стал: передумал.

– На мусоров, тварь, работаешь? – шипящим голосом спросил он.

Но ответить она не успела: к решетке подскочили менты. Угрожающе щелкнул замок под напором ключа, со скрипом открылась дверь, с хрустом опустилась дубинка на подставленные руки.

Трофим успел закрыться от одного удара, но второй обрушился на незащищенный затылок. Треск в ушах, фейерверк в глазах, сознание поскакало по полу как вывалившийся из корзины баскетбольный мячик. Еще удар, еще...

* * *

Он растекся по стулу, как медуза на прибрежном камушке. Не было сил удерживать тело в собранном состоянии. Почки болят, мышцы спины выкручиваются наизнанку, голова как будто чужая. И катастрофически не хватает воздуха...

Только что Трофим сыграл с ментами в слоника. Это их любимая забава – надеть на голову противогаз и пережать шланг. Выживешь, хорошо, будешь веселить мусоров дальше – это же так потешно наблюдать, как жертва с красной от потуг рожей, хлопая выпученными глазами, жадно хватая ртом воздух... Минут пять прошло, как с него сняли шлем, а легкие до сих пор гудят как кузнечные мехи: невозможно надышаться...

– Ну как, нормально? – хмыкнул один опер.

Он называл свою фамилию, но Трофим ее не запомнил. После скверной ночи его сознание напоминало трясущуюся на кочках тележку с низкими краями – что-то оставалось в ней, что-то выскакивало. Фамилия в одно ухо влетела, в другое вылетела, а звание осталось. Старший лейтенант он.

– Теперь будешь знать, как женщин душить, – добавил второй.

А с этим наоборот. Звание Трофим посеял, а фамилия удержалась. Оперуполномоченный Середец.

Они стояли рядом. Старлей высокий и худой, Середец среднего роста, коренастый. И лица разные. Но Трофиму они казались братьями-близнецами. Может, потому что ненавидел их одинаково сильно. И ухмылялись они однотипно, правда, один кривил губы влево-вверх, другой вправо.

– Зачем ты это сделал, Трофимов? – спросил старлей.

Разговор шел о Нинке... И надо было Трофиму связаться с ней. Теперь отвечай... Хорошо, если бы только за нее одну спрашивали. Но разговор начался именно с этой темы. Сначала опера отоварили его добавкой к ночным раздачам, затем разговор завели. Весело у них в кабинете, прямо зоопарк какой-то, сами козлы, а из Трофима слоника делают...

– Начальник, бес попутал. За наседку принял. А сексотов ненавижу...

– Значит, за сексота ее принял? – подозрительно и вместе с тем насмешливо спросил Середец. – И много за тобой такого, о чем нам неизвестно?

– А откуда я знаю, что вам известно, а что нет?

– Да нам вообще-то все про тебя известно. Все-все...

– Не бери на понт, начальник!

– Ух ты, какие мы борзые!..

И снова лицо сжала сырая резина противогаза, и снова Трофим завис между небом и землей, не зная, что лучше – умереть или воскреснуть... Потом он долго и жадно на потеху ментам глотал воздух. И думал о том, что злить их не стоит...

Середец бросил противогаз на стол, за который и сел. Его напарник занял место за другим столом. Трофим оказался в неловком положении, правым боком к одному, левым – к другому.

– Успокоился? – вроде бы благодушно спросил Середец.

Трофим нутром чувствовал, что перечить ему нельзя, иначе он быстро сменит милость на гнев.

– Да, – кивнул он.

– В глаза смотреть! – рявкнул опер.

И для пущего эффекта с грохотом опустил кулак на стол. Трофим не стал артачиться и повернул к нему голову.

– Успокоился, спрашиваю?

– Да, начальник, нормально все...

– А вчера, значит, ненормально было. Пальбу в ресторане зачем устроил?

– Я?! Пальбу?! – изобразил недоумение Трофим. – Вы что-то путаете, начальник.

Середец взял шлем-маску за клапанную коробку и несильно, но убедительно хлестнул резиновым корпусом по своей раскрытой ладони.

– А, ну да, что-то было, – кивнул Трофим.

Отпираться было глупо. Его взяли с «наганом», из которого он стрелял. Да и свидетелей немало было, а работать с ними менты умеют...

– Пьяный был, плохо помню...

– И что человека убил, тоже не помнишь? – спросил старлей.

Его вопрос прозвучал ударом хлыста. Трофим вздрогнул, нервно обернул к нему голову.

– Да нет же, не убивал... Ну, может, ранил...

– А если убил? – резко спросил Середец.

Пришлось повернуть голову в его сторону.

– Да нет... – с надеждой протянул Трофим.

Уж очень много зависело от того, убил он или нет. Если «да», могут и к высшей мере приговорить, если «нет», тут уж от степени тяжести ранения зависит. В лучшем случае, можно на пять-шесть лет попасть, да и в худшем к стенке не поставят...

– Повезло тебе, Трофимов, – совсем неодобрительно посмотрел на него Середец. – Ранил ты потерпевшего, не убил. Ранение не смертельное, но возможна потеря трудоспособности. Так что не радуйся, в любом случае влип ты капитально... Целый букет на тебе, Трофимов. В человека стрелял, на людей с топором бросался, сокамерницу душил...

– Так я ж это, признал свою вину.

– Ну, если б ты все признал, тогда бы мы с тобой по-другому говорили. И перед судом бы походилась. «Наган» у тебя откуда?

– «Наган»?! – задумался Трофим. – Да нашел... На речке купался, на берег выхожу, смотрю, лежит под кустиком...

– Срок твой там, под кустиком лежит... – зловеще стрельнул взглядом Середец. И снова взялся за противогаз. – Откуда оружие? Последний раз спрашиваю...

Трофим с ужасом смотрел на орудие пытки. Сейчас начнется...

– Да говорю же, нашел...

Хочешь не хочешь, а надо терпеть. Нельзя сознаваться, нельзя припечатывать себя к убийству цехового фраера. Тогда точно каюк...

– Ну, смотри, мы хотели как лучше...

Середец словно бы нехотя поднялся, раскрыл в руках шлем-маску. Трофим плотно зажмурил глаза и плотно закусил губу... Зря менты думают, что его легко сломать. Он сделан из крепкой стали, потому легко гнется. Но не ломается...

Он уже мысленно распрощался с жизнью, когда сквозь раскрывшуюся трубку в легкие слабенькой струйкой потек спертый воздух. Его катастрофически не хватало, чтобы надыхаться всласть. Изошренное издевательство – насыщать придушенного человека воздухом через фильтр противогаза... А потом трубку снова пережали...

* * *

В камере предварительного заключения было жарко и душно – настоящая парилка. Крохотное окошко, закрытое решетками и ресничками, спрятанная под потолком лампочка, теснота, вонь от параши, на грубо сколоченных нарах в расплывчатых разводах плавают чьи-то лица...

Мест свободных нет. Но Трофим и на полу может посидеть. Для него это сейчас за праздник. Да и ноги уже не держат, чтобы идти дальше. А камерная духота и вонь – это такой пустяк

по сравнению с душегубкой, которую ему устроили опера... Если б только противогаз. Они устроили ему знакомство с Уголовно-процессуальным кодексом. Пытка есть такая, когда бьют толстенной книгой по голове. Эффект кувалды, а синяков нет. Мозги после такой процедуры в клейстер превращаются, чтобы снова загустели, время должно пройти...

Он обессиленно опустил прямо на ступеньки, оперся спиной о только что закрывшуюся дверь. Грудь высоко вздымается, сердце вот-вот выпрыгнет из груди, но ему в кайф. Закончились пытки, и какое счастье, что есть возможность перевести дух...

С потолка упала прохладная капля конденсированной влаги, плюхнулась на лоб, скатилась по носу на губу. «Мед-пиво пил, по усам текло...» – мелькнула в голове известная с детства фраза. Трофим слизнул каплю, блаженно улыбнулся. По усам текло и в рот попало... Пить охота, и вода совсем рядом – из трубы прямо в чашу стекает вода... Сейчас он наберется сил, поднимется, напьется вдоволь...

– Эй, черт, ты че там застрял? – как будто откуда-то издалека, словно через толстый слой ваты в ушах, донесся до него чей-то голос.

Трофим сжал кулаки, вернее, попытался это сделать. Слабина в руках, и ноги не держат. Плохо, очень плохо... Он согнул ноги в коленях, уложил на них руки, уронил на запястья голову, закрыл глаза. Надо сделать вид, что он ничего не услышал. Надо перетерпеть, выждать момент...

– Ты чо, оглох?

Трофим снова промолчал... Да, это проявление слабости, но ведь он действительно еле живой от пережитого.

– Севчик, да отстань ты от него, не видишь, каличный он...

Кто-то заступился за Трофима. Но сделано это не от широкой души, а от желания унижить его еще больше... Сначала чертом его обозвали, затем каличным. Видно, что бакланы это беспонтовые, только-только парашу нюхать начинают. Эти за базаром не следят, смердят словами, пока живы...

– Да пусть хоть деланный! Ко мне сейчас телка придет, а он на проходе развалился!

Кичится Севчик, изгаляется. Точно, баклан... Трофим не открывал глаз, чтобы не встретиться с ним взглядом. Силы уже возвращаются, закипающая в крови злость подгоняет их. Еще немного, и он будет в норме...

– А может, это и есть твоя телка?

И дружок его куражится не по-детски. Такой же дегенерат...

– Гюльчатый, в натуре!.. Эй, Гюльчатый, личико покажи!..

Но Трофим даже не шелохнулся. Послышался шорох сползающей с нар задницы; тяжелое дыхание, смрад давно немывтого тела.

Севчик навис над Трофимом, несильно, сверху вниз ударил его кулаком по макушке. А кулак тяжеленный.

– Эй, ты чо, зачах, в натуре!

Трофим отнял голову от рук, открыл глаза, посмотрел на баклана... Литые, словно чугунные черты лица, объемный, как будто бронированный лоб, в глазах открытые емкости с тупой первобытной агрессией, мощные плечи, кулаки, что гири. На теле ни единой татуировки, еще не успел обзавестись. Значит, пряник, новичок. Влетел по первому разу, решил сразу рога выставить, на всех, кто на пути, буром переть. Мозгов нет, думает, что сила решает все.

А силы в нем жуть сколько. И голова дубовая – такого словом не возьмешь... Увы, но баклан был прав: сейчас все решала только сила. Но Трофим на ладан дышит, он просто не в состоянии перемолоть этого дуболома...

И все же у него хватило сил, чтобы подняться на ноги. Злобно, исподлобья глянул на баклана.

– Ты кого чертом назвал? – дрогнувшим голосом спросил он.

– Тебя назвал, – осклабился Севчик. – Извини, подруга, ошибочка вышла... Как дела, Гюльчатай?

Трофим прикинул, как можно ударить его с руки. Шансов ноль. С ноги. То же самое. А ему нужно было обязательно побеждать. Если он ввяжется в драку и обделается – позор на всю его тюремную жизнь, а она у него обещает быть долгой...

– Не на того наехал... – И снова голос его дрогнул.

Он с ужасом ощущал собственное бессилие перед этим архаровцем. Тот смотрит на его татуировки, но ничуть не реагирует на них, как будто они вообще ничего не значат. А увещевать его бесполезно, это все равно что попасть в болотную трясины – чем сильнее барахтаешься, тем глубже проваливаешься...

– Да я на тебя еще и лягу! – гоготнул Севчик и обернулся к своему другу.

Дескать, глянь, какой он крутой... Обернулся и выставил на обозрение свое ухо... Спасибо ментам. За то, что не выбили ни единого зуба...

– Сдохни, падла! – на всю ширину разевая рот, заорал Трофим и напрыгнул на обидчика.

Целиком заглотив его ухо и что есть мочи сжал зубы...

Севчик взревел от боли, а еще больше от неожиданности. Попытался сбросить с себя Трофима, но смог отодрать его только вместе с собственным ухом... Он понял, что произошло, и в бешенстве обрушился на него всей своей мощью. Если бы в камеру не ворвались менты, он бы мог до смерти забить Трофима – настолько убийными были его удары...

* * *

Следователь предъявил обвинение, завтра в первой половине дня должен был прибыть этап. Впереди следственный изолятор, там не забалуешь. И свидания там по пятницам, и то если повезет. В КПЗ с этим полегче. Пообещай ментам хорошую мзду, они хоть лешего в камеру к тебе пропустят, если ты, конечно, там один. А Трофим в одиночестве. Безухого Севчика отвезли в больничку, его дружок в ногах у ментов ползал – умолял, чтобы его в другую камеру перевели...

Следователь позволил ему свидеться с мамой. Она у него опытная, знает, как и что. Хабар ему собрала – мыльно-рыльные принадлежности. Посуда: деревянная ложка-весло, эмалированная миска-шлюпка, алюминиевая кружка-тромбон. Трикотажный спортивный костюм, тапочки, полотенце, носки, нательное и постельное белье. А еще рубашка – та самая, джинсовая, которую он порвал под градусом пьяного бешенства... И посуду, и белье в изоляторе выдают, но то и другое будет в ужасном состоянии. Трофим хоть и не привереда, но правильный человек должен въехать в хату с таким же шиком, как богатая невеста в дом жениха, с приданым. Тюрьма – это дом, в котором бедные родственники не в чести... Сигареты россыпью в пакете, спички, чистая тетрадь, авторучка за тридцать пять копеек, несколько плиток чая, ситечко, большой шмат сала, вяленая вобла, галетное печенье, сухое молоко, карамельки-гроздочки. И сахар кусковой был – частью настоящий, а частью муляж, под которым скрывался сухой спирт... Все аккуратно сложено в самодельную торбу из плотного материала.

– Собрала вот, люди помогли...

Жители Вороньей Слободки могли враждовать друг с другом – орать, бить морды, убивать, но если кто-то садился, то все обиды забывались, соседи и просто знакомые собирались в круг, в складчину набивали хабары в дорогу. Последние деньги отдавали, так-то вот...

– Благодарю, маманя, ввек не забуду!

Трофим обнял мать за плечи, прижал к себе.

– Ну как же ты так, сынок?..

По случаю она даже была трезвой, ну, относительно. Может, с утра приняла чуток, а так нормально все.

– Да так, накуролесил пьяный.

– А я тебе говорила, водка до добра не доведет.

– Вот и я о том же... Ты бы пить бросала.

– Ну что ты, сынок, конечно!.. Вот с завтрашнего дня ни капли!

Она решительно провела рукой по воздуху, словно отсекая от себя беспросыпное прошлое. Кто бы ей поверил...

– Да я серьезно... – он еще крепче прижал ее к себе. – Я ж надолго влетел, может, на пару пятилеток... Будешь калдырить, точно не дождешься. Сгоришь, как Гаврилыч. А я хочу, чтобы ты меня дождалась.

– Все, все, сынок, ни капли в рот!

Трофим безнадежно махнул рукой. Не верит он ей.

– А насчет денег...

Деньги в тайнике, закопаны в огороде дома, который он снимал до ареста. И не хотелось бы доверять их матери. Пропьет ведь, и вся недолга... Но он же не Кошей, чтобы чахнуть над своими богатствами. Деньги должны приносить пользу. Деньги должны обращаться в грев, без которого на киче совсем тоска...

– Ты половину себе возьми. Что хочешь с ними, то и делай. Хоть пропей...

– Да не буду я пить, – отчаянно мотнула она головой. – Я дожждаться тебя хочу, сынок...

А о каких деньгах ты говоришь?

– Да так, сотню под половицей заныкал...

Трофим все-таки решился. И шепнул на ухо матери адресок и место, откуда она может забрать кровью заработанные деньги...

– В общем, половину себе, а половину мне на грев... Там много, надолго хватит...

Мама собралась уходить. Слезно посмотрела на его распухшее, в ссадинах лицо, на испаранное тело.

– Ты бы поберег себя. Нельзя так...

Он и сам знал, что нельзя так часто попадать под раздачу. Рано или поздно печень порвется либо селезенка лопнет... Но что делать, если какой-то урод прет буром. Надо будет, хоть сейчас на Севчика выйдет, второе ухо ему отгрызет...

– Ну, я пошла... Постой-ка, сказать что-то хотела, да из головы вылетело... Да, Кристина тебе привет передавала...

– Кристина? – слегка опешил он. – Привет? Мне?

– Сказала, что не злится на тебя. Мало ли что в жизни, говорит, бывает.

– И ты ей привет передавай!

Он чувствовал себя неловко. Надо ж было так нажраться, чтобы к ней в комнату с топором вломиться. Вроде ж и Викентия убивать не собирался, и ее насиловать не думал... А может, и было в мыслях что... А если б изнасиловал? Ведь хотел же с ней побыть, спасу нет, как хотел... Да, мог бы и насильничать... Оттого и выли волки на душе.

– Да какое уж там, – махнула рукой мама. – Съехала она, вместе с мужем.

– Как съехала? Куда?

– Не сказали... Быстро так собрались, комнату закрыли и уехали. Вещей немного взяли.

– Так, может, в отпуск, на море, лето же?

– Может, и в отпуск. Но мне кажется, что навсегда... Взгляд у нее такой был, что навсегда...

Трофим задумался. Кристина как была, так и осталась для него загадкой. Неизвестно, откуда взялась, непонятно, откуда в ней столько не женской дерзости, куда она и зачем уехала... Как та комета пронеслась мимо него, огненным своим хвостом сбила его с орбиты – и свалился он прямиком в лапы к ментам. Ведь из-за нее же нажрался, из-за нее сорвало крышу... Но

Трофим ее ни в чем не винил, и появившись она здесь сейчас, он бы слова худого ей не сказал. Еще бы извинился за свое варварство...

Но Кристина не появилась. Зато назавтра, как и было обещано, прибыл этап...

Трофима вывели из камеры, дежурный старшина вручил под расписку шнурки, часы и двадцать пять рублей из тех денег, которые были отобраны у него при аресте. А там было не меньше сотни... Но Трофим промолчал. Все равно деньги отберут в СИЗО, и, скорее всего, безвозвратно.

Все бы ничего, но старшина алчно глянул на хабар:

– Что там?

– Да все в порядке, начальник.

Он спокойно предъявил содержимое, упаковал все обратно. Но, видно, старшине кое-что приглянулось – может, белье, может, пожрать.

– Здесь оставишь, там все равно отберут.

– Не надо, лучше это возьмите.

Трофим протянул ему часы – «Командирские», высший класс. Без них на хате можно прожить, а без грева – сложновато будет... Старшина принял подарок, но и от хабара не отказался. Снова приказным тоном предложил оставить его в камере.

– Зачем вы так со мной, начальник? – покачал головой Трофим. – Я же хороший, да.

– Плохой, если говоришь много.

– Ладно...

Трофим оставил хабар и в сопровождении повеселевшего хапуги вышел на задний двор, где уже в шеренге перед автозаком в ожидании дальнейших ужасов стояла жалкая троица «погорельцев»; бедолаги, пряники-первоходы. Там же находился и конвой внутренних войск, начальник которого вперил в Трофима недоуменно-вопросительный взгляд.

– Что с лицом? – строго спросил он.

– Да как вам сказать...

Трофим многозначительно глянул на старшину. Тот все понял, незаметно толкнул его в спину.

– Да нормально все, товарищ лейтенант, – заезозил он перед этапным начальником. – С нар ненароком упал...

– Что, и жалоб нет?

– Есть, – Трофим не стал дожидаться, когда старшина ответит за него.

Но тот все же вставил свое слово.

– Вещмешок он свой в камере забыл.

Трофим усмехнулся. Все шло точно по его плану... Он же не первый раз уходит на этап.

– Что в вещмешке?

– Запрещенных вложений нет, – бодро отрапортовал старшина. – Сейчас принесу!

– А с лицом что? – недоверчиво глянул на Трофима начальник конвоя.

– Так упал же, жалоб нет. И не будет...

Хабар ему вернули, затолкали в фургон, где было тесно и жарко, как в Дантовом пекле. Для полноты ощущений не хватало только автомобильного глушителя, выведенного внутрь кузова. Отличная бы душегубка получилась...

А поездка намечалась долгой. Следственный изолятор находился в соседнем районном центре, а это почти сорок километров...

* * *

Жаркая поездка в автозаке закончилась таким же горячим приемом во дворе следственного изолятора.

– Пошел! Пошел!

Окрики конвойных, лай овчарок, пинки под зад. На языке тюремных ментов это называлось нагнать жути. Трофим не выкобенивался, шустро выпрыгнул из фургона, не мешкая добежал до пункта приема, заскочил в одиночный «стакан», на который ему показали. Скрипнула дверь, лязгнул засов.

В «стакане» душно, вентиляции нет, сесть негде, да и невозможно – здесь можно только стоять. Форменное издевательство над человеком. Но Трофим воспринимал это как должное. И даже пытался внушить себе, что он попал не в филиал ада на земле, а в дом родной...

Из «стакана» его выдернули только для того, чтобы в двух словах и под расписку довести постановление о помещении в следственный изолятор. Трофим расписался, но гопака на радостях не станцевал. Пусть начальник СИЗО пляшет: сам Трофим Трофимович к нему пожаловал...

Снова заперли в «стакан», снова выдернули – на этот раз для того, чтобы реально сыпнуть перца под хвост, чуть ли не в прямом смысле этого слова. Начался такой шмон, что пришлось раздвинуть булки. Деньги забирали по описи, но Трофим предложил сержанту оставить их себе, лишь бы тот обыскал хабар без вредоносного пристрастия. Запрещенных предметов там не было, поэтому баул почти не пострадал...

Дальше был медосмотр. Трофим не возникал. На все вопросы о здоровье отвечал коротко – «здоров, жалоб нет». А врачам только это и надо было. От синяков на лице и теле они старательно отводили глаза.

И все же медосмотр не прошел для него даром, к счастью, последствия оказались приятными. На «сборке» его продержали почти целую неделю, хотя прибывшие с ним «пассажиры» были распиханы по камерам на второй день после приезда. Смотрящего здесь не было, прав особо никто не качал, народ приходил, уходил – на второй день Трофим перебрался на нижний шконарь под самым окном. Дышалось здесь не в пример легче, чем у дверей, а ночью, когда свежий ветерок приносит долгожданную прохладу, закрывая глаза, можно было представить себя под пальмами в Сочи...

Но, увы, прошло время, и лафа закончилась.

Для начала его выдернули в кабинет к тюремному оперу. Так здесь поступали с каждым вновь прибывшим, но мозги промывали капитально. Что за дело, кто что и как. И плевать, что написано в деле – сам расскажи, сам объясни, что да почему. Говоришь, а кум наблюдает за тобой, анализирует, делает выводы – какого ты полета птица, есть ли в тебе задатки стукача-перехватчика... В Трофиме таких задатков не обнаружилось. Опер что-то пометил в своем блокнотике и выставил его за дверь.

А потом была баня – без сауны, но с душевыми кабинками. От обязательной, казалось бы, прожарки одежды он откупился – сунул тюремному козлу из хозобслужбы несколько сигарет.

Там же в бане он простирнул одежду, ее же на себя и надел – на теле высохнет. В каптерке получил скатку – матрац без ваты, подушку без перьев и постельное белье, почти наполовину укороченное – как в длину, так и в ширину. Вот и скажи теперь, что зря он так ревностно оберегал свой баул от вражеских поползновений...

Под конвоем, по гулким коридорам, по железным лестницам с этажа на этаж, под стук ключа-вездехода и окрики конвойного... Так пролегал его путь в камеру, которая и должна была стать его домом на ближайшие два-три месяца...

Глава 4

Лето, солнце жарит и палит, духота в изоляторе такая, что мокрая одежда высохла б в два счета, если бы не чрезмерная влажность. Но по тюремным коридорам мало-мальски гулял сквознячок, а в камеру, куда попал Трофим, свежий воздух не заглядывал как минимум с утра. Зато дыму под самый потолок...

Но без табачного дыма здесь никак нельзя, вперемешку с испарениями карболки он хоть как-то заглушал вонь от параши. И вату из матрацев используют для того же – жгут ее, чтобы перебить зловоние. Уж лучше пусть глаза режет от дыма...

Камера не самая большая, но и не маленькая – квадратов двадцать. Сплошь и рядом – шконки, сваренные из железных полос и уголков; в узком проходе между ними намертво вмурован в пол длинный стол. И везде, куда ни кинешь взгляд – арестанты. Стоят, сидят, лежат. Один на толчке тужится, взбаламученно зыркая по сторонам. Даже на потолке, и то движение – какой-то мэн с третьего яруса водит по нему ногой, – или чюдя свои вентилирует, или таким вот макаром вытягивает прохладу из потолочного перекрытия... Впрочем, обитатель «пальмы» Трофима не интересовал.

Опытным взглядом он выцепил особых людей, блаткомитет – наколки, фиксы, пугающая уверенность в собственном превосходстве над серой арестантской массой. Блатные, черная масть, коренные и потому главенствующие обитатели тюрьмы.

Стол незримо делился на две части – ту, которая поближе к двери, занимали простые смертные, жались друг к другу в ожидании, когда освободится дальняк, чтобы перекусить жалкими крохами из своих торб. Ведь пока сортир занят, есть в камере никому не дозволяется – ни блатным, ни чертям. За чертой, в сторону окна, было посвободней. Четыре человека, из-за духоты все голые по пояс, в наколках. Важно, чинно играют в карты. За их спинами, редкой чередой, стоят блатованные «быки» и шестерки. У этих тоже свои привилегии, шконки поближе к окну, доступ к общаковому столу.

– Поклон братве, не кашлять ботве! – без вызова, с чувством спокойной уверенности в себе поздоровался Трофим.

Тюрьма выскочек не любит, показушников и прочую скользкую рыбу здесь раскусывают на раз-два. Держаться нужно естественно; сколько весишь реально, столько напказ и выставляй, ни больше ни меньше.

Трофим не кичился, он всего лишь давал понять, что разбирается в тюремной иерархии. Знал он, что народ здесь делится на братву и ботву, на людей и быдло...

– Ну, здорово, коль не шутишь! – холодно, но все же с интересом посмотрел на него смотрящий.

Он восседал во главе стола, чисто как король на именинах. Едва он заговорил, как гул в камере смолк. И даже засранец поспешил убраться с толчка. Негоже разгружаться, когда смотрящий слово держит... Болезненно худое лицо, тощие плечи, впалая грудь, голос хриплый, прокуренный. Тело все в наколках: на груди четырехмачтовый фрегат о белых парусах – авторитетный вор-«гастролер» с четырьмя ходками. О том же примерно свидетельствовал и орел с чемоданом в клюве. Дерущиеся быки – также символ лагерного авторитета, не стесняющегося силой вырывать власть...

– Кто такой, с чем пришел? – спросил смотрящий.

Но ответить Трофим не успел. Со скрежетом отодвинулся засов, с шумом открылась дверь.

– На прогулку выходим! – трубным голосом возвестил вломившийся в камеру вертухай. – Живо!

Здоровенный дядька с красной от жары рожей. Он тяжело дышал, правый рукав форменной рубахи был мокрым, оттого что часто приходилось смахивать пот со лба. Если ему тяжело приходилось, что уж говорить об обитателях камеры.

Смотрящий знаком показал, что разговор временно закончен. Народ потянулся к двери. Трофиму пришлось попятиться, чтобы пропустить людей.

На него не обращали внимания, бочком-бочком он пробился к шконке, примыкавшей к стене напротив толчка. Далеко не самое лучшее место, зато не у параша. Сейчас ему нужно было только одно – сбросить скатку и хабар. Не тащить же все это в прогулочный дворик.

На шконке, дожидаясь, когда разрядится пространство в проходе, сидел плотный парень лет двадцати. Постное выражение лица, низкие надбровные дуги, под которыми тускло мерцали равнодушные к жизни глаза. Вот и он поднялся, чтобы выйти из камеры.

– Здорово, братан! – не совсем уверенно обратился к нему Трофим.

Он не знал, с кем имеет дело. Вроде бы не петух – потому как шконка у него своя, к тому же нижняя. Но в то же время и место далеко не козырное. Может, парень из опущенных по беспределу – бывает такое, прошел правильный пацан через пресс-хату и лохмачей позорных, опоганился не по своей воле, потерял честь. Братва таких уже к себе не принимает, но и не чморит особо. Могут даже на шконку спать положить, чтоб не на «вокзале»...

Парень поднялся, вопросительно вздернул подбородок.

– Я скатку брошу, да?

В ответ он неопределенно пожал плечами.

Трофим положил свой матрац и вещмешок на освободившуюся шконку. Но уже в дверях обернулся и застыл в гневном недоумении. Парень брезгливо ногой скинул его скатку со своих полатей. Хотел было сбить на пол и хабар, но Трофим его опередил, оттолкнул плечом.

Будь его воля, он бы прямо сейчас порвал этого выродка на части. Но не было здесь его воли. Это не КПЗ, это – тюремная хата, дом родной, здесь все по-настоящему. Хатой рулил смотрящий, он здесь решал, как быть в том или ином случае. Он здесь казнил и миловал. Так что рамс нужно было решать через него...

– Разбор проведем, – хищно прошипел Трофим. – Как смотрящий скажет, так и будет...

Он пнул свой лежащий на полу матрац в знак того, что никогда не посмеет взять в руки опоганенные вещи.

Обитатели камеры столпились в коридоре, в пространстве между разделительными решетками. Открылся один «шлюз», толпа перетекла в следующий отсек, дождалась, когда откроется следующий, и под окрики надзирателей двинулась дальше. Толкаясь, с шумом, мрачными коридорами, по лестницам с этажа на этаж, через сито «шлюзов» на крышу тюрьмы, в прогулочный дворик... Друзей у Трофима здесь не было, как назло, не находил он в толпе знакомых лиц.

Крупночешуйчатая сетка над головой, символ неволи. Но если смотреть на ослепительный сгусток солнца до боли в глазах, то сетка как бы исчезает. Трофим знал это еще с прошлой отсидки. Если так смотреть, то хоть какая-то иллюзия свободы... А солнце яркое, небо чистое, ветерок, разгоняющий зной. Благодать. Расслабиться да прибалдеть бы в этой солнечно-воздушной ванне. Но нельзя расхолаживаться, впереди серьезные терки – и за жизнь, и чисто в тему...

Толпа рассосалась по дворику, разбилась на кучки. Блатные с блатными, мужики с мужиками, черти и обиженные жмутся к дальней стене. Трофим отыскал взглядом своего обидчика. Стоит, падла, в толпе мужиков. Стоит, молчит. Заметил, что на него смотрят, даже глазом не сморгнул. Как будто ни в чем не виноват. Все то же постное лицо, все тот же равнодушный взгляд... И что за напасть такая – сначала урод Севчик наехал, теперь вот этот на прочность его испытывает. Как будто не видно, что Трофим может за себя постоять... А может, не видно? Может, есть в нем какая-то внешняя слабость, которая выдает в нем жертву...

К Трофиму подошел крепкого сложения молодчик. Наколок много, но все ни о чем. Чувствовалось, что у паренька не самая богатая на факты биография. Но видно, что не последний он здесь человек. «Бык» из воровской пристяжи. На новичка он глянул нехотя, словно в одолжение.

– Пошли, Витой тебя зовет...

Смотрящий со своей командой занимал одну-единственную на весь дворик курилку. По правую руку от него восседал блатарь лет тридцати. Плотное, подернутое жирком тело, грубое, изрытое оспой лицо. Смотрится внушительно. Взгляд живой, вьедливый. Слева – арестант постарше. Большая, как у рахита, голова на тщедушном теле. Лет сорока, плешивый, лопухий, губастый. Он мог бы показаться смешным, если бы не взгляд – огнеупорно-прочный, забористо-ядовитый. Если бы его взгляд обладал звуком, у Трофима бы заложило уши от пронзительного свиста...

Какое-то время смотрящий разглядывал Трофима – сначала снаружи, затем полез в душу.

– Ты бы назвался для начала, – достаточно мягко сказал он.

Но глупо было бы думать, что это просьба. Он требовал.

– Зовут Трофим, фамилия Трофимов. Пацаны так и звали Трофимом...

– Какие пацаны?

– Здесь, на крытом, четыре года назад... Потом на Икше...

– На малолетке был?

– Был. Два года навесили, – Трофим начал бодро, но в определенный момент несколько скис. – За два-ноль-шесть...

Двести шестая статья не входила в число самых уважаемых. Хулиганка, бакланка... Но и страшного в том ничего не было. Многие уважаемые сейчас воры именно с того и начинали. Вот если за мохнатый сейф, за изнасилование загремишь, то это уже все – дырка в права и вечный позор...

– А чего замержевался? – уловил его настроение Витой. – Гребнем в зоне был?

– Не-е! – протестуя, мотнул головой Трофим.

– Косяки какие?

– Нет... Я правильным пацаном был, – гордо расправил он плечи.

– Хорошо, если пацан... Ты же должен понимать, мы малявы отобьем, братва скажет, кто ты есть... Лучше сразу объявись, если есть что. А то ведь кранты, сам понимаешь...

Трофим слышал о таких случаях, когда прибывший в камеру петух заявлял о себе как о правильном человеке, его сажали за общий стол, который он осквернял своим присутствием. Закончаченными объявлялись все, кто ел с ним с одного стола. И все потом набрасывались на подлеца, убивали его долго и мучительно... Уж лучше объявиться сразу, так хоть не убьют. Но за Трофимом не тянулся позорный шлейф, ему нечего было бояться. Поэтому он стоял перед смотрящим с высоко поднятой головой.

– Все путем, братва. Я чистый.

– Ну, хорошо... Сам откуда?

– Из Чернопольска.

Блатарь с изрытым лицом оживился.

– А конкретно?

– Из Вороньей Слободки.

– И я оттуда... Почему тебя не знаю?

Трофим пожал плечами. Воронья Слободка – само по себе место известное. И ее обитатели знают друг друга если не в лицо, то хотя бы по именам... Но Трофим водился с мелкой шпаной, в кругу которой было больше громких понтов, чем реальных дел. Серьезные люди ходили где-то рядом, свысока поплеывая на молодняк...

– Да, наверное, сел рано, в шестнадцать.

- А сейчас тебе сколько?
- Ну двадцать...
- Два года отмотал, что еще два года делал?
- В армии служил...

Опять же не самый почетный факт из его жизни. Но скрывать его Трофим не имел права. Все равно ведь узнают.

- Сапогом был? – поморщился земляк.
- Ну да... Но я в стройбате. Людей с автоматом не караулил...
- Как же так, правильный пацан, а в сапоги влез, а? – с осуждением покачал головой

Витой.

Трофим понимал, что в этом факте его биографии ничего особо страшного нет. Тем более что стройбат – это почти зона, потому как живут там по понятиям... Главное, нужно дать достойный ответ на заданный вопрос, тогда все будет в норме. А начнешь мямлить, путаться – вмиг сожрут...

- Да менты прижали – или служить, или снова закроют, – неторопливо проговорил он.
- Так лучше на крытый.

Трофим не растерялся.

– Не вопрос, – кивнул он. – Если б по своей статье, то лучше за решки. А если к чужому паровозу пристегнут... А к тому все и шло...

Он знал, что в тюрьме не очень жалуют арестантов, закрытых по чужой вине. За лохов таких «пассажиров» держат. На том и сыграл...

- Лучше в стройбат, чем чужая чалма.
- Дело говорит, – кивнул рахитно-лопоухий.

Голос его звучал на удивление сильно и густо.

Трофим облегченно вздохнул. Можно сказать, отмазался... Только дуболомы вроде Севчика считают, что в зоне ум не нужен, если есть сила. Тупая морда никогда высоко не поднимется, какой бы здоровенной она ни была. Чтобы стать авторитетом, нужно уметь держать не только удар, но и базар. Глупая голова с мощными мышцами сможет постоять за себя, но разрулить ситуацию за всех никогда не сумеет. Масло в голове нужно иметь, чтобы за словом в карман не лезть...

- А в Слободе кого знаешь? – спросил земляк.
- Э-э... Ты извини меня, брат, не видел я тебя раньше... – не заискивающе, но и не буром спросил он. – Ты бы назвался, я бы сказал...
- Рубач я... Если ты из Слободки, должен знать...

Трофим облегченно вздохнул.

– Ну а то... Ты с Кимом и Мослом тусовался... Вас еще мусора повязать пробовали, так вы им перцу всыпали... Я тогда совсем мелким был, только слышал, а не видел...

Давно это было, лет шесть или семь назад. Блатная малина, дым коромыслом, и вдруг менты. Братва в дупель, говорили, пьяная была, а менты дубовые, потому и на рожон полезли. Стрельбы и поножовщины не было, но мусорам, говорили, конкретно досталось.

- Но ведь слышал же, – самодовольно улыбнулся Рубач.

Приятно было осознавать, что братва услышала отзвук его хоть и былой, но славы.

- Громко звучало, потому и слышал.

Но на этом разговор не закончился.

- Еще кого знаешь? С кем на крытом был, с кем на зоне чалился?

Трофим выдал целый список имен, некоторые из них имели довольно веское значение в воровской среде.

– Это хорошо, что ты в теме, – взял слово Витой. – А к нам за что зачалился, так и не сказал. Что менты шьют?

– Сто вторую...

Трофим немного слукавил. Ему предъявили обвинение в нанесении тяжких телесных и незаконное применение оружия. Но и сто вторая статья в его деле тоже присутствовала, хоть и косвенно.

– Замокрил кого-то? – спросил Рубач.

– Нет, покушение на убийство...

– Ты в отказе или как?

Вопрос этот был задан неспроста. Если вина Трофима не доказана, Рубач не смел вникать в его дело. Но если все ясно, он мог спросить, хотя и в этом случае совсем не обязательно было ему отвечать. Но Трофим ответил:

– Да нет, менты накрепко все сшили, в сознanke я... Фофан один в кабаке наехал, ну, я шамальнул из волыны...

– Из волыны?

– Ну да... Я человек серьезный, и делюги серьезные, потому и волына нужна...

– Ты что, гопник?

– Нет, хаты выставляли, сладкие фраера там...

– А волына откуда?

– Ну, это мое дело.

– Твое так твоё... Ты мне вот что скажи, а на Линеинной куражного сделали – твоя работа?

Недели три назад...

Трофим понял, о чем разговор. Именно там и убили они с Петрухой цеховика... Но признаваться в этом он не стал. И многозначительно поджал губы, пристально глянув на Рубача. Может, он и авторитетный человек, но и сам Трофим не сявка какая-то. И вообще, косяк это – чужие дела выстукивать...

Витой нехорошо глянул на Рубача, тот стушевался. Но не заткнулся.

– Я ж почему спросил, – начал оправдываться он. – Этого куражного Жиха крыл. Он слам хороший на общак сливал, а какие-то отморозки его сделали...

Трофиму стало не по себе. Жиха был очень авторитетным вором в законе. Сам из Чернопольска, но дела крутил в Москве. И свою родную вотчину не забывал... Оказывается, убитый цеховой был для Жихи потерей, потому как тот деньгами его подогревал. Вышло, что для Жихи Трофим был отморозком. И для Жихи, и, значит, для других воров...

– Наглухо сделали? – спросил у Рубача Витой.

– Меня на днях к прокурору возили, – сказал тот. – С нашим там одним пересекся, а тот мне расклад ментовской сдал. Куражного сначала завалили, из хаты на тачке вывезли и в тачке сожгли. Хату тоже спалили...

Трофим едва сдержал рвущиеся наружу переживания. Он-то думал, что менты не смогут опознать обгорелый труп. Но, выходит, смогли...

– Зачем? – флегматично спросил Витой.

– Я думаю, хату выставили, терпилу сделали, ну, следы замели...

– И чо?

– Так это, говорю же, терпилу Жиха крыл, слам на общак сливал...

– Жиха – уважаемый бродяга, не вопрос. Но чет я тебя не пойму, Рубач. Я сам хаты выставляю, сам терпил делаю, разве ж это не по понятиям?

– Да не вопрос, терпила на то и терпила, чтобы с честными ворами делиться... Так этого Жиха крыл. С Жихой надо было вопрос решать... А эти буром поперли. И мокрое сделали...

– Может, надо так было?

– Жиха так не думает...

– Жиху я уважаю, – пожал плечами Витой. – И все равно не понимаю...

Он сделал паузу – дал понять, что разговор закончен. Разговор, который очень не нравился Трофиму... С одной стороны, Витой был прав – терпины на то и существуют, чтобы их дербанить. По большому счету, Трофим не вышел за рамки понятий. Но, с другой стороны, он перешел дорогу самому Жихе, а тот может спросить. Хорошо, если на разбор вызовет. Так хоть на понятиях отмазаться можно будет. А если с ходу правилку учинит – перо в бок, и все дела...

– Значит, хаты, говоришь, выставляли? – задумчиво глянул на Трофима смотрящий.

Чувствовалось, что он еще не отошел от перепалки с Рубачом. И Рубач все еще под впечатлением. Недовольно смотрит на Трофима, как будто он в чем-то провинился перед ним...

– Ну да.

– А замели за то, что из пушки пальнул?

– За то самое.

– Ну что ж, я не в предьявах, братва, думаю, тоже... Малявы зашлем, спросим за тебя. Если все в цвет, то живи спокойно... С нами ты или с мужиками, тебе решать...

– Я бы с вами.

– Поговорим. Братва отпишет, поговорим. А пока сами посмотрим за тобой. В хате будем, шконку тебе определяют... Что еще есть сказать?

Трофим понял, что бояться ему нечего. Братва еще пока не принимает его к себе, но и не отвергает. Смотрящий разошлет малявы, выяснит, что нет за ним никаких косяков, тогда, возможно, ему отведут место в блатном углу. Если, конечно, он до того не лажанется по какой-нибудь теме.

– Есть что сказать, – кивнул он. – В нашей хате баклан рогатый живет...

– Это ты о ком? – нахмурился Витой.

Трофим рассказал, с кем и как было дело.

– И что ты хочешь? – подозрительно глянул на него смотрящий.

Если Трофим хотел защиты у него искать, то дело его швах. Малодушных ябед в тюрьме, понятное дело, не жаловали.

– Башку ему открутить, – спокойно сказал Трофим. – Я бы его прямо там урыл. Но это беспредел – если без твоего ведома...

– Беспредел, – соглашаясь, кивнул Витой. – Я за хатой смотрю, мне решать, что почем. Мне балаган не нужен...

Смотрящий глянул на «быка», которого до этого отправлял за Трофимом. Сейчас он снарядил его за борзым «пассажиром».

Тот подошел к смотрящему без суеты и трепета, невозмутимо глянул на него.

– Что ж ты, Бутон, гостей так встречаешь? – укоризненно спросил смотрящий и взглядом показал на Трофима.

– А я в хозобслужу не записывался, и шконка у меня не склад...

– Он же тебя спросил, ты сказал, что можно.

– Не говорил я такого... Плечами пожал, да... Но это же не согласие было.

– А что?

– Ну, пусть попробует... Он попробовал, я скинул...

Бутон неприязненно глянул на Трофима. От смотрящего это не укрылось.

– Ты его знаешь? – спросил он.

– Да нет вроде...

– Что значит – вроде?.. Ты из Чернопольска?

– Да.

– И он из Чернопольска.

– А, ну тогда, наверное, знаю... Лицо знакомое...

Витой глянул на Трофима:

– А ты его знаешь?

– Нет, – твердо ответил он.

– А он тебя знает... Что ты о Трофиме знаешь?

– Да так, совсем чуть-чуть... – язвительно усмехнулся нахал.

– А конкретно?

– Да это давно было. В пионерском лагере еще, я тогда после седьмого класса был... Или после восьмого...

– И что?

– Да этот с нами тоже был... Я не знаю, что он больше любил, пирожки или это, но пирожки ему таскали...

– Ты конкретней говори.

– Ну, говорят, он с пацанами по ночам баловался, ну, сам подставлялся, говорят, нравилось...

– Оба-на! – взвинулся Рубач. – Это предьява!

Он не скрывал своей радости. Фактически он пострадал из-за Трофима, а теперь у него появилась отличная возможность посчитаться с ним.

Но Трофим его не боялся. Потому что в этот момент он боялся ВСЕХ!..

– Я?! Баловался?! – ошалев от возмущения, взвыл он.

Обвинение было настолько же страшным, насколько и напрасным. И такая буря разыгралась в душе, что Трофим не смог сдержаться, набросился на обидчика с кулаками. Но тот неожиданно резко ушел в сторону и каким-то непонятным, но неуловимым финтом послал в него свой кулак. Ударил точно в подбородок. Трофим пытался удержаться на ногах, но куда там – настолько мощным оказался удар.

Он упал на заплыванный пол, больно ударившись затылком о шершавую стену. Подниматься пришлось самому – руки ему никто не подал. Но и Бутону не позволили добить его, а тот был совсем не прочь уработать его ногами. Витой осадил его, заставил объясниться.

– Ты уверен в том, что сказал? – жестко спросил он.

– Ну, сколько лет прошло... – пожал плечами Бутон. – Он же мелким тогда был...

– Я спрашиваю, ты уверен в этом?

– Э-э... Ну, да...

– Да врет он все! – встрял в разговор Трофим. – Какой, на хрен, пионерский лагерь! Я знаю только один лагерь, на Икше...

– Ну да, на Икше лагерь был... – кивнул Бутон.

Чем больше смотрел на него Трофим, тем явственней осознавал, что перед ним непреходимый тупица.

– Ну, ты вахлак, в натуре! – Трофима пробрал надрывный истерический смех.

Он смеялся, а кожа покрылась липким холодным потом, тело вдруг зазнобило, как в лихорадке.

– Там воспитательно-трудовой лагерь был! Я в зоне мотал, урод! Ты глянь на меня!

Трофим сорвал с себя рубаху, обнажил свои наколки.

– Где ты здесь пернатого видишь?

Показал пальцы с татуированными перстнями на них. На одном черный квадрат – «вышел по звонку». На втором такой же квадрат, но разбитый на два треугольника, правый нижний – черный, левый верхний – белый и половинка солнца на нем. «Грехи юности», начало лагерного стажа с малолетки...

– А здесь?

– Ну, я не знаю, – безмятежно пожал плечами Бутон.

Похоже, этот дебил даже не понял, что подписал себе смертный приговор. Когда все прояснится – а это обязательно случится, – Трофим лично поставит его на нож. А у него другого

выхода не было. Нет на зоне страшнее предьявы, чем та, которую бросили ему сейчас. Такие оскорбления смываются только кровью.

– Ну-ка, ну-ка, перточки покажь!.. – хищно сузил глаза Рубач. – Не нравится мне твой квадрат...

Трофим с досадой закусил губу. Говорили же ему в свое время, что не надо было накалывать квадрат на первом перстне. Сначала сделали, потом сказали... Дело в том, что петухам на палец накалывают квадрат, разбитый на два треугольника – верхний черный, нижний белый. Накалывают в тюрьме, а на воле они потом сами закрашивают белый квадрат, и значение наколки кардинально меняется. Конечно же, и Рубач знал про такие плутни, и Витой, и все, кто хоть мало-мальски сек воровскую фишку...

– Короче! – негромко, но резко сказал смотрящий.

Арестанты замерли в ожидании приговора.

– Предьява очень серьезная. Без разбора, сплеча рубить не будем! Малявы по дому зашлем, и в мир тоже отправим. И ты, Бутон, своим дружкам, хм, пионерлагерным отпиши, пусть чиркнут, что да как. И ты, Трофим, своим корешам пулю зашли... Срок – две недели. Нормальный срок.

– Да я-то зашлю. А этот пионер кому коней гнать будет, не знаю, – страшно улыбнулся Трофим... – Не было у меня никаких пионерлагерей... Вешайся, питон!

Бутон не выдержал его лютый взгляд, отвел в сторону глаза. Наконец-то пробрало недоумка. Но слово уже дано, назад его забрать можно, но только через то место, которое скоро станет у него дырявым...

– Кому из вас вешаться, мы еще посмотрим, – сурово глянул на Трофима смотрящий. – Предьява брошена тебе, под подозрением ты. Спать будешь возле параши, к посуде не прикасаться, из чужих чашек чай не пить...

Трофиму вдруг показалось, что началось землетрясение – пол под ногами качнулся, внутри образовалась сосущая пустота... Его вина еще не доказана, но с ним уже обращаются как с петухом.

– Как ты сказал, так и будет, – глядя на Витого, с трудом выдавливая каждое слово, сказал он. – Я все понимаю... А этот! – взглядом показал он на Бутона. – Не жилец!.. Но пусть пока живет...

Сначала он докажет свою невиновность и только затем приведет свой приговор в исполнение. И никакая совесть его не остановит.

Глава 5

Никак не думал Трофим, что попадет в такую засаду. Берег и лелеял свой хабар, на сборке голодал, чтобы сберечь припасенный харч. Готовился сделать свой вклад в блатной общак. Чай, сало, галеты...

Он пытался отдать братве свою заначку, но Витой вежливо отказался. И взглядом показал на шконку, на которой он мучился в ожидании воровского суда.

Никто с ним не разговаривал, никто ничем не помогал. И бумагу бы ему для малявок никто не дал. Но ведь он бывалый зэк, для того он и прихватил из дома тетрадь с ручкой. Почта в хате работала исправно, поэтому он в первый же день разослал свои писульки по адресам. Он был уверен в том, что его лагерные дружки отпишут со знаком плюс, но пока малявы до них дойдут, пока вернутся с ответом... Не мог же он вечно жить в петушином кутке, нюхать отвратную вонь с параша. Вонизм, убивающая духота – все это было мелочью по сравнению с тем унижением, которое выпало на его долю. А виновник его страданий жил как ни в чем не бывало – ел, пил, ходил на допросы, даже на свидания. Трофима в упор не замечал – как будто его здесь и не было...

На четвертые сутки Трофима выдернули на этап в Чернопольск. На «воронке» с утра доставили в прокуратуру, до обеда продержали в подвале в специальном боксе, откуда и конвоировали в кабинет следователя.

Младший советник юстиции Мамаев. Мощная, как у бульдога, голова на широкой литой шее, покатые борцовские плечи. На тонких губах фальшиво-радушная улыбка, в глазах липкие цепкие щупальца. Трофим видел его впервые.

– Знаешь, зачем ты здесь? – спросил он.

– Ну, по делу... А что, нет?

– По делу, но по какому?

– Вам видней.

Следователь полез в ящик стола, достал оттуда «наган», упакованный в целлофановый пакет.

– Узнаешь?

– Ну, мой ствол... Так я ж не отпираюсь. Да, стрелял. Да, виноват...

– Понятно, что виноват. Понятно, в кого стрелял... А откуда ствол?

– Так я же говорил, нашел. Там в деле записано...

– Что ж, и я запишу. Нашел... – Мамаев сделал пометку на листе бумаги. – Следующий вопрос. У кого?

– Как это – у кого? На речке нашел...

– Ты хотел сказать, возле речки. На улице Линеиной, дом восемнадцать...

– Начальник, я не понял! – встрепенулся Трофим.

– Все ты понял, – жестко усмехнулся следователь.

Он действительно понял. Что выдал себя, понял. И надо было ему трепыхнуться...

– Не, ну я знаю, где Линеиная улица...

– И где дом восемнадцать... И гражданина Лялина ты тоже знаешь!

– Не знаю такого.

– А я говорю, знаешь! – громыхнул во всю мощь своего голоса Мамаев.

– Да откуда?

– Оттуда!.. Это его «наган». Его!

– Откуда вы знаете? На нем что, написано?

– Не написано, но я знаю. И ты мне сейчас все расскажешь!

– Расскажу, – усмехнулся Трофим. – Как я с девочкой дружу...

Он понял, что следователь берет его на понт. Наверняка вместо доказательств одни догадки. Может, прошла где-то шняга, что у покойного Лялина «наган» был, такой же ствол взяли при задержании у Трофима – отсюда и вывод.

– Как бы с тобой не задружили, Трофимов, – отнюдь не весело улыбнулся Мамаев.

– Это вы о чем, гражданин начальник? – нахмурился Трофим.

– Да все о том же... Не шути со мной, парень, не надо. Я ведь хороший, когда со мной по-хорошему. Если мне грубить начинают, то и я на дыбы становлюсь... Ты мне сейчас расскажешь, как ты грабил и убивал гражданина Лялина.

Трофиму поплохело. Уверенности в том, что следователь ничего не знает, поубавилось. Обвинения еще нет, но фабула уже звучит. Ох как плохо звучит. Грабеж, убийство, группа лиц...

– Э-э, я вам грубить не буду, – выдал из себя Трофим.

– Не будешь грубить и все расскажешь, я правильно тебя понял?

– Рассказал бы... Но я ничего не знаю...

– Ну зачем ты меня огорчаешь, Трофимов. Я же с тобой по-хорошему, а ты за нос меня водишь... Все против тебя, Трофимов. Револьвер, с которым тебя задержали, гражданину Лялину принадлежит...

– Ну, наверное, принадлежал. Я же говорю, револьвер на речке нашел... А он что, этот Лялин, тоже возле речки живет? Ну, если на Линейной?.. Так, может, он купаться ходил да забыл... Хотите, я покажу вам то место, где я «наган» нашел?

– Значит, за дурака меня держишь? Ну, ну, – многообещающе глянул на него Мамаев. – Я думал, мы с тобой договоримся...

– Да я бы с радостью. Если бы убивал, сознался, а так, извините, гражданин начальник. У меня и своих слонов хватает...

– Будет тебе слон, Трофимов. Обязательно будет... Мы еще вернемся к нашему разговору.

– А я чо? Я ничо!.. Приятно будет увидеться, гражданин начальник!

Следователь даже ухом не повел. Как будто не услышал Трофима. Вызвал конвойного и велел увести подследственного.

Всю дорогу до следственного изолятора Трофим молчал, руками обхватив голову. Он уже почти точно знал, что никаких улик против него нет. Но плохие предчувствия скапливались над его головой, как снежные шапки на крутых горных вершинах. Казалось, вот-вот гряхнет выстрел, и на него со всех сторон обрушатся снежно-ледяные лавины...

В изоляторе он целый час простоял в душном «стакане», прежде чем караульная смена снизошла до него. Ошмонали, отправили в камеру.

А на хате его ждали. Сам смотрящий лично позвал его к себе за стол, разрешил присесть на скамейку. Хороший знак. Да и братва не морщила нос в присутствии Трофима.

– Ну что могу я тебе сказать, пацан, – скупое, но без холода в глазах, улыбнулся Витой. – Малявку с воли подогнали. Матушка твоя разбор устроила, уважаемые люди за тебя подписались. Не был ты ни в каком пионерлагере... На Икше был, на малолетке, а с пионерами не-а, не дружил... Но пионером же был, да?

– Был, – кивнул Трофим. – Пока не исключили...

Это было не совсем правдой. Из пионеров его действительно исключали, за то, что флакон одеколона на уроке выдул, в шестом классе еще. Нажрался в зюю, дебош устроил, самого директора далеко послал... Но ведь потом его восстановили. Правда, в комсомол в восьмом классе не приняли. А в девятом он сел...

– А в комсомол на малолетке не принимают, – в приподнятом настроении усмехнулся он.

Он еще точно не знал, какие именно уважаемые люди подписались за него. Но догадывался. Воронья Слободка – особый мир, и уважаемых в преступном мире людей там хватает.

И есть кому провести разбор – выяснить, был ли тогда-то Трофим в пионерском лагере... Так что не зря Трофим матери малявку отбил, она всех кого надо подсуетила.

– Не принимают, – кивнул Витой. – Кстати, и от кента твоего малявка пришла. Ваня Локоть пишет, что пацан ты правильный. Хоть и по хулиганке сел, но по жизни воровской пацан... И еще малява пришла... Говорят, ты баклану на угле ухо отгрыз...

Трофим торжествующе усмехнулся. Настроение улучшилось. Одно к одному – и он уже в отмазе, нет за ним никаких косяков. Да еще и заслугу в репутацию вписали – чмошный фрукт не смог бы отгрызть ухо зарвавшемуся баклану.

– Да «пассажир» африканский, ля, попался, – в ухарском угаре сказал он. – Меня менты конкретно прессанули, в трюм зашвырнули – весь ливер, гады, отбили, на ногах стоять не мог. А тут отморозь какая-то... Ты же знаешь, Витой, я не беспредельщик, если в хате, то я сначала на разбор иду, а потом уже все такое. А тут как прорвало. Сил нет, чтобы кулаками махать, так я ему в ухо вгрызся...

– И как на вкус? – хохотнул босяк по кличке Башмак.

Трофим не знал, за что ему дали такую кликуху, но предполагал. Здоровенный парень, кулаки что кувалды, а нога размером под пятьдесят – попробуй на такую башмак подбери...

– Да ничего, – куражно усмехнулся Трофим. – Если б еще соли немного...

– Будет соль, – мрачно изрек Витой.

И уничтожающе посмотрел на Бутона. Воровская шестерка мгновенно сорвалась с места и притянула к столу обреченного на заклание бесогона.

Бутон, как обычно, держался спокойно – как будто ничего и не происходит. Трофим презрительно глянул на него, но тот как будто и не заметил этого. Или у парня крепкие нервы, или он действительно такой debil, что не понимает, в какое дерьмо вляпался...

– Ну что, фуцан, готов ответку держать? – холодно глянул на него Витой.

– За что? – глазами глупой коровы посмотрел на него Бутон.

– За гнилую предьяву, которую ты пацану бросил.

– А-а, это... Так две недели сроку же. Еще не время...

– Ну и кому ты малявы по его душе забросил? – кивнув на Трофима, спросил смотрящий. – Кто тебе отписал?

– Да друзьям своим...

Наконец-то Бутон занервничал. И даже кинул быстрый взгляд в сторону шконок, где кучковались арестанты из его «семьи»... Трофим зловеще ухмыльнулся. Он-то прекрасно знал, что никто из мужичья не рискнет заступиться за тупоголового Бутона...

– Никому ты ничего не писал, – покачал головой смотрящий. – Коней ты по дороге не гнал, я видел. Трофим гнал, а ты нет...

– Так я это, на свиданке когда был. Брат ко мне приходил, старший. Я ему сказал...

– Что ты ему мог сказать? Ты даже не спросил, кто такой Трофим, как его фамилия... Что ты мог у брата спросить, а?

– Ну, я его описал... Ну, как выглядит...

– Описал, – кивнул смотрящий. – И описал, и обделал – с ног до головы... Бажбан ты, Бутон, и фуфломет...

Это был приговор, не подлежащий обжалованию. Но вольтанутый свистун этого не понял.

– Да, но мне показалось, что я его видел... – метнув на Трофима полный досады взгляд, сказал Бутон. – Был у нас в лагере похожий на него пацанчик...

– Так показалось или был? Он или похожий? – угрюмо спросил Рубач.

Хоть и не очень то жаловал он Трофима, но и Бутона не поддерживал.

– Ну, может, обознался...

– Обознался он, – в страшной ухмылке скривил губы Витой. – Знаешь, что за такие обознатушки бывает?.. Ты человека чуть не зашкварил... Какой спрос за петуха, да? Ты так думал, когда беса гнал?

– Я... Я просто ошибся...

– Просто?! За такое просто простом и расплачиваются... Что с этим фуфлогоном делать будем, братва?

– Опускать, – спокойно, как о чем-то давно уже решенном сказал Рубач.

– Петух он проткнутый! В кукарешик его! – вспенился Башмак.

Братва подвела печальный для Бутона итог. Витой многозначительно глянул на Трофима, но тот покачал головой:

– В падлу эту гниль седлать... Да и мало ему этого. У меня с ним свой разбор...

Он провел пальцем по горлу, показывая, что жить Бутону осталось совсем чуть-чуть.

– Твое право, – понимающе сказал смотрящий.

И перевел взгляд на Рубача. Тот согласно кивнул.

– Я, конечно, не любитель, но если братва постанову дала...

Он медленно поднялся со своего места, подошел к съжившемуся Бутону, какое-то время в упор гипнотизировал, а потом вдруг резко пришел в движение. Бил он с размаха, поэтому Бутон успел подставить руку под удар. Но тяжеленный кулак летел в него с такой силой, что эта уловка не спасла его.

Бутон не удержался на ногах, сел на задницу. И тут же на него со всех сторон, как вурдалаки на упавшего Хому из «Вия», набросились «быки»... Приговоренного скрутили, животом уложили на его шконку, содрали штаны, на круп положили сеанс – фотографию голой женщины...

Больше всего на свете Трофим боялся оказаться на месте Бутона. Лучше смерть, чем такое унижение. Не так страшна дырка в миске и кружке, как ужасен вечный позор...

Рубач самолично привел приговор в исполнение, Бутона загнали под шконку, которую занимал Трофим. Его же самого перевели на более престижное место, на вторую шконку, поближе к блатному углу.

В радушных чувствах он забыл на время об опущенном обидчике. С ним он еще разберется. А сейчас он должен был сделать то, к чему так долго шел.

Все последние три ночи он спал на голых железных полосах, потому как побрезговал воспользоваться сброшенной на пол скаткой. И сейчас матраца у него не было, зато в хабаре чистое белье, которое он так долго берег для светлого часа. Простыней застелил ложе, накрыл его чистым пододеяльником. Конечно же, это не осталось без внимания со стороны братвы.

– Мазево живешь, братан! – заметил Башмак.

– Я же домой шел, для дома все и взял, – с благодушной улыбкой, но с чувством собственного достоинства изрек Трофим.

– Нормально.

Наконец-то Трофим мог внести свой вклад в общак. С видимой безмятежностью, но с внутренним трепетом поднес к столу свои богатства – чай, сало, вобла, печенье.

– Это для людей, – сказал он.

– И откуда это? – участливо спросил Витой.

– Из хабара. Из дома взял. Для общака берег...

– Это дело, – кивнул смотрящий. – Раз так, то двигай к столу...

– Утощай, раз такое дело, – вставил свое слово Рубач. – Твой чай – твой деготь.

Это значило, что Трофим сам должен был заварить чифирь. А дело это ох какое сложное. Розеток в камере нет, даже лампа освещения нарочно утоплена в потолок и закрыта специальным решетом, чтобы арестанты не смогли подключиться к электричеству. И Трофим бы

ударил в грязь лицом, если б не вышел из положения без посторонней помощи. Но не зря же он прихватил из дома кружку-тромбон, ситечко, запас чая и сухого спирта. Вода в кране...

Приготовить хороший чифирь не так уж и трудно. Главное, угадать с дозой. На каждый сорт чая своя пропорция. Но Трофим брал с собой хорошо известную ему заварку, поэтому имел все шансы на успех...

Он приготовил воду, отломил от плитки чая солидный кусок, бросил в кипятик... Главное, не ошибиться. Слабоватый чифирь – это «Байкал», он не прихватит, не попрет. Чересчур сильная концентрация может вызвать спазмы в животе...

Чай пропарился, распустившиеся листья осели на дно. Полученный напиток нужно было пропустить через ситечко – в тюрьме этот предмет обладал ценностью культовой святыни. И уже одно то, что Трофим обладал столь дорогой вещью, поднимало его в глазах братвы.

Чифирь пьют из одной кружки – гоняют по кругу. По большому счету, это такое же священнодействие, как выкурить трубку мира. Строго по два глотка. И на голодный желудок – чтобы получить настоящий приход. На малолетке, где Трофим мотал свой первый срок, говорили, что после еды чифирь пьют не чифиристы, а чифирасты... И сахар в чае – это святотатство. За такое сам тюремный бог наказывает: сладкий чифирь может пробить на боль в сердце и даже инфаркт...

Витой первым припал к кружке. И не замедлил с оценкой:

– Яд!

Трофим облегченно вздохнул. «Яд» – это наивысшая похвала для чифиря.

Рубач косо глянул на него, но тоже похвалил. И все остальные согласились, что чаек удался.

Трофим и сам чифирнулся. Действительно, деготь удался. Аж до нутра пробрало, по коже пробежали веселые мурашки. И градус арестантского счастья повысился. Душа открылась, развернулась... Он еще не был принят в блаткомитет, даже разговор о том не шел, но братва уже держала здесь за своего. И он сам очень хотел быть черной масти...

Это только со стороны может показаться, что блатному в тюрьме живется в кайф. Может, оно, с одной стороны, так и есть – лучшие места, доступ к общаку, уважение, все такое. Но слишком много надо знать и уметь, чтобы не упороть косяк. Казалось бы, простое дело чифирь, но сделай Трофим три глотка из кружки – это уже такой косяк, за который и опустить могут... Само собой, одних только знаний мало. Нужно уметь постоять за себя. Но главное, дал слово – сдержи его. Трофим обещал расправиться с Бутоном, сам себя обязал упокоить его. Да и нет у него другого выбора. Братва пока не сомневается в том, что он способен дать ответку за себя. Но если он станет медлить, то сначала на него ляжет тень подозрения, а затем и темное пятно позора...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.